

Дия Сёмина

КНЯГИНЯ

• СЛУЖАНКА •

• БЕРЕГИНЯ РОДА •

Бытовое фэнтези. Отдельные книги

Дия Сёмина

Княгиня-служанка. Берегиня рода

«Автор»
2026

Сёмина Д.

Княгиня-служанка. Берегиня рода / Д. Сёмина — «Автор», 2026 — (Бытовое фэнтези. Отдельные книги)

Очнулась в теле нищенки, сиротки, у которой из богатств, только толстая коса, да бездонные глаза. Я бы смирилась и прожила новую жизнь, с моим-то рукоделием даже разбогатеть несложно. Но я — княгиня, жена князя, и у меня остался меленький сынок Богдан, первенец и наследник правящего рода. Когда траур по мне закончится, мужу придётся искать новую жену, и она сделает всё, чтобы её сын стал наследником Я вернусь во дворец даже самой последней служанкой, только бы быть рядом со своим малышом и защищать его. Но почему так больно смотреть на мужа и молчать, чтобы не выдать себя, да он и не признает, если толькоМагический мир. Детективная линия. Приключения, романтика, славянская эстетика. Стекло... Попаданство необычное, мистическое. Интриги, борьба за власть, всё как мы любим.Однотомник.

© Сёмина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 33
Глава 10 40
Глава 11 46
Глава 12 49
Гл 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дия Сёмина
Княгиня-служанка. Берегиня рода

Глава 1

— Куда подевалась, Васька! Вечно куда-то заныкается и ходи ищи её. Васька! Подь сюда, барыня сказала, что не будут тебя лупить за дыру на платье…

Грубый старческий голос раздался где-то наверху, потом гулкий топот и мне в лицо посыпалась пыль.

Первую секунду я онемела от ужаса, ошеломлённая внезапной сменой окружения, колени упираются в крышку, руки невозможно вытянуть, повсюду стенки из холодных, сырых досок, меня заперли в тесный ящик, гроб…

Если бы не вопли надо мной, топот и постоянно сыплющаяся пыль, то я бы лишилась сознания от ужаса. Словно кто-то подслушал мои кошмары и исполнил их, я с детства боюсь уснуть так крепко, что люди не распознают и похоронят заживо.

Но сейчас я жива, и сверху кто-то есть.

Сейчас я им задам!

— Эй, кто там! Сейчас же освободите, если вы похитили меня из дворца ради выкупа, то мой муж…

Я не успела договорить, как крышка над моей головой громко скрипнула и поднялась.

— Васька, совсем рехнулась? Так и думал, что ты в подполе затаишься, вот шельма, быть тебе поротой. Ой берегла бы свою опу, а то будешь неделю стоя есть. Вылазь давай!

— Вы путаете, я Софья, и не смейте…

— Ну всё, совсем девка того, кукухой поехала. Послушай, Васенька, совета старика – молчи, спряталась, не получила выволочку за испорченное платье и моли бога, чтобы на тебя не серчали. Вылазь и дуй на кухню, кухарке помогать. Вот горе, мало что сирота, так ещё и дурочка. Совсем боженька обидел девку.

Крепкий старик протянул руку и одной левой вытащил меня из холодной тьмы подвала. Голова так сильно закружилась, что я качнулась и чуть было не рухнула обратно вниз.

— Да стой ты, пошли скорее, спрячься у Христи, она тебя горячим отпоит, да и начнёшь соображать.

— Но это не я…

— Знамо дело, не ты, это ж Евдокия напакостила, да на тебя свалила вину-то. А Марина матери наябедничала, вот тебе и попало. Но теперь все смотрины отменяются, так что успеешь починить платье-то до приезда женихов. В княжестве объявили траур…

Старик тихо ворчит и постоянно подталкивает меня в спину, заставляя быстрее идти куда-то, по совершенно незнакомому дому. Это не дом, а большая изба с очень низкими проёмами, потемневшими деревянными стенами, и таким удушающим запахом, словно здесь стрелецкий полк ночевал, да вместе с конями. Я всё ещё туго соображаю, и тело в оцепенении, будто меня змея укусила, ни единого слова не поняла из того, что сейчас рассказал незнакомец.

Ни единого слова кроме одного: «Траур!».

— Траур?

— От, ты ж… ну, а что? Траур же объявлен молодая жена нашего князя, княгиня Софья скончалась скоропостижно. Он, говорят, убивается по жене-то, да младенчик остался, вот горе-то нам всем…

В этот момент мои ноги подкосились, и если бы не мгновенная реакция старика, то упала бы на пол.

— Да куды тебя! Васька…

— Я не Васька, я княгиня Софья, живая, отведите меня во дворец к мужу, сейчас же.

— Ежели ты княгиня, то я князь. Ну что ты будешь делать с несчастной, совсем рехнулась. Христя, пусть у тебя Васька отсидится, головой ударилась, совсем дурная стала, за такие речи быть ей битой. Ей-богу.

— Пусть вон в уголок сядет, сейчас пельмени лепить начнём, так что лишние руки понадобятся. А на-ка тебе, девонька, хлебни навару куриного, хоть оживёшь, — дородная, раскрасневшаяся тётка суетилась на небольшой, тёмной кухне, и между делом усадила меня за стол, поставила плошку и наказала пить, пока тёплое.

Протягиваю руку к посудине и замечаю, что это совершенно точно не мои руки. Моя-то рука, как крыло лебедя, пальцы белые, длинные, ногти красивые, а у этой замарашки обгры-

зены, словно она ножниц не видела, и под ногтями серый налёт. Да и одежда срамная, у нас во дворце в такой даже самые последние подёнщики не посмели бы объявиться.

Делаю глоток золотистого бульона и чувствую, что начинаю согреваться и оживать. Эти люди мне явно не помощники, что-то такое произошло, что я вдруг оказалась здесь, да и я ли?

Траур объявлен, муж оплакивает меня, и скоро похоронят живую, а мой сынок?

Щипаю себя – не помогает, шлёпаю со всей силы по щеке, только бы очнутся, выбраться из этого ужасного кошмара, я совершенно точно сплю, мне всё это снится.

— Матерь Божия, Василиса, в своём ли ты уме? Мало тебя хозяйка бьёт, так ты сама себя хлещешь.

— Мне надо проснуться, очнуться! Я не она, меня здесь нет. Нет меня, я там, там…

Слёзы сдержать невозможно, потому что умом начинаю осознавать, что вся моя жизнь где-то там, во дворце князя Михаила, и весь смысл моей жизни остался там – сынок Богдан! Маленький совсем, и один без материнской защиты. Кто-то сотворил со мной такое зло, лишив всего, но так, чтобы я страдала, зная, что через год траура мой муж будет искать себе новую жену, и тогда мой малыш…

Даже страшно подумать, что будет с моим сыном при мачехе. Он первенец, он наследник, и ни одна женщина не потерпит его первенства и захочет расчистить место для своего сыночка…

Новое сердце сжалось от невыносимой боли, кажется, я сейчас и в этом теле умру от ужаса, какой вдруг беспощадно обрушился на меня, как снежная глыба с крыши и не убила, но одну-единственную мысль вбила: «Я должна вернуться во дворец, хоть кем, но быть рядом с сыном и защищать его, всё равно как выгляжу, это уже не важно, меня лишили красоты, лишили титула, лишили сил и мужа, но пока я жива, я – мать!».

Появилась цель и сознание прояснилось, как пелена спала. Прямо сейчас скажу, что на двор надо, и сбегу. Княжеский дворец найти совершенно нетрудно, его белокаменные купола видны со всех окраин города. А там уж что-то придумаю, упаду в ноги к князю, прошепчу ему самые тайные наши тайны, и он поверит…

Мои наивные размышления о том, что меня замарашку допустят перед лицо первейшего князя, прервались гневным криком, снова я кому-то понадобилась, минуты не проходит, чтобы кто-то в этом доме не вопил:

— Васька, куда запропастилась! Дурында несчастная, погибель на мою душу праведную, платье моей доченьки испортила, прожгла, а чинить кто будет? Ну только найду тебя и за косу оттаскаю, видит Бог, сколько я тебя терпела…

Разумом я не успела осознать, что это меня собираются за косу, а тело уже замерло, застыло от ужаса, вот от кого Василиса спряталась в подполье…

Дорогие мои читатели, добро пожаловать в новую историю. Русский колорит, магия, мистика, приключения, сложные отношения, испытания и романтика, а как же без неё! Очень нужна ваша поддержка, добавляйте в библиотеку, читайте, пишите комментарии, ставьте лайки, чтобы мне добавить писательского энтузиазма! Спасибо большое, что выбрали захватывающую историю восхождения княгини.

Глава 2

— Вот ты где, на твоё счастье, траур объявили, смотрины перенесли, женихи приедут к нам только через пару недель, так что сейчас же иди и штопай платье, какое прожгла, иначе я на твоей роже утюгом. Не девка, а сплошное разорительство. Никакой пользы, лишний рот, только из-за косы и держу, глаза б мои тебя не видели!

На кухню втиснулась дородная баба в мещанских одеждах и с платьем в руках, потрясла им перед моим носом, не боясь испачкать, уж как от неё разит крепеньким, что нос зажать хочется. Да в словах она и вовсе стеснения не знает, хуже последнего пропойцы. Даже дородная Христя вжалась в угол между рукомойником и печью.

Сижу, моргаю и молчу, совершенно не понимаю происходящего, и почему всем есть до меня дело? Да ладно бы дело, а то подлинная вражеская атака.

— Госпожа, она не в себе, бормочет что-то, по щекам себя хлещет, вы бы ей пока платье-то не доверяли, того и гляди испортит. Сейчас отойдёт, очухается, да и пусть сидит штопает, — с тревогой в голосе пояснила Христя и, кивнув в мою сторону, покрутила у виска для острастки и тем, видимо, спасла меня от тяжёлой участи битой быть.

Тётка, какую кухарка назвала госпожой, с недоверием посмотрела на меня, поморщилась, подумала и приняла непростое решение, не распускать руки:

— Мало тебя били, платье оставлю в твоей коморке, и не дай бог, за несколько дней не заштопаешь дыру, да так, чтобы стало ещё красивее, чем раньше. Прибью и скажу, что так и было.

— Я не умею штопать…

— Зарасти, а что же ты умеешь, кулёма? Мы к ней со всей душой, а она вона что, от работы отлынивает? Рыбу потрошить, дрова таскать? Так это мы тебе тоже устроим, да ещё в свинарнике, вот самое твоё место, дождёшься…

Поток ругани вдруг стих, и я, припомнив, каким рукоделием умею заниматься, тихо ответила:

— Вышивать, — неуверенно пожимаю плечами.

А у самой одна мысль, как бы сбежать, и далеко ли от дворца я очутилась, только бы эти люди не заперли меня, может быть, в свинарник попросится, из свинарника-то сбежать сподручнее.

— Значит, будешь вышивать, невелика разница. Но платья к смотринам должны быть готовы, девочкам замуж пора, и этот проклятый траур нам не помешает. Заштопаешь платье, и потом в свинарник, чтобы глаза мои тебя не видели. Да и женихам нечего на лишнюю девку смотреть.

Тётка не оставила платье на грязной кухне, зыркнула на меня с ненавистью и вышла, крикнув через плечо кухарке:

— Как в себя придёт, пущай садится за работу, нечего хлеб даром есть, проследи, чтобы не шлялась без дела. Платье оставлю в коморке.

Христя вздохнула, покачала головой на короткой шее, как деревянный болванчик, и сжалилась надо мной:

— На вот тебе кусок вчерашнего пирога, должно быть, от голода у тебя помутнение ума-то, ох горемыка, после смерти дядьки уж к тебе в этом доме хуже, чем к скотине относятся.

— А коморка, это что? — впервые услышала странное слово, но поняла, что там должна шить.

— От горе, да под крышей на чердаке, сейчас выйдешь, потом будет лестница и наверх. Там твоя светёлка и есть. Ты платье-то не испортишь? А то ежели шить разучилась, то лучше сказать сразу-то, уж лучше в свинарник, чем битой быть, за платье она тебя и правда убьёт,

силы у неё как у трёх паршивых мужичков, одной левой и приложит, не пытай судьбу-то хитрее надо быть, от горюшко.

Сердобольная кухарка последние слова произнесла очень тихо, и поглядывая на дверь.

— Я умею работать иглой, надеюсь, что смогу достойно скрыть вышивкой дырку, это не так трудно.

— Ну смотри, жаль, с тобой бы я пельменей вмиг налепила. Ну да, что ж теперь…

Про то, что я совершенно не умею лепить пельмени, решила умолчать. Может, и хорошо, что мне дали чистую работу. Свинарник, это же что-то связанное с животными, со свиньями, я сейчас-то вызываю у людей отвращение своим видом, а если провоняю, то на княжеское подворье меня и близко не подпустят.

Покончив с едой, осторожно, чтобы не опрокинуть шаткую лавочку, поднялась и по своему обыкновению обратилась к кухарке.

— Благодарю вас за вкусный обед, бульон вам весьма удался, как и пирог. Пойду трудиться, если позволите, то зайду к вам позже, как почувствую голод.

Женщина выпучила глаза, открыла от удивления рот, и стала похожа на толстого зеркального карпа, что живёт в княжеском пруду. Боюсь уточнить, что не так я сделала?

— Матерь Божья, Вася, да что с тобой, говоришь, как знатная. Тебя часом собака бешеная не укусила. Вот горюшко.

— Кажется, нет, ничего не болит, но благодарю вас за заботу о моём самочувствии, а к лестнице направо или налево?

Тётка, продолжая хватать, ртом воздух и часто моргая, указала толстым пальцем в левую сторону от выхода.

После её слов о боли я вдруг прислушалась к своему телу, может быть, она права и есть какое-то телесное подтверждение происходящему.

Болит только голова, а на спине, между лопаток чувствуется неприятное жжение, словно ссадина, но при такой жизни ссадины – привычное дело.

На лестнице, как старая тряпка висит то самое, несчастное платье. Ткань не самая дорогая, но и не последняя дешёвка. Развернула его, посмотрела, и вот оно зло. Кто-то подержал ткань над свечой, небольшая дырка, ещё полбеды, но внушительное тёмное пятно на голубом подоле довело беду до трагических широт. Шить платья я не умею, это не княжеское ремесло, а вышивать гладью, да золотой нитью, или даже цветными, в этом я искусница.

Придумать узор, и закрыть вышивкой в форме купола, широко от подола и вывести всё в тонкую полосочку к талии, так у платья появится самобытность.

Стою и размышляю над заданием, и в глубине души понимаю, что это не та проблема, о которой мне сейчас стоит беспокоиться. Уже этим вечером мне нужно сбежать из жуткого дома.

— Ой, смотрите, кто это вылез из подполья? Крыса, ты маменьке донесла на меня? Ну я тебе ещё устрою.

— Простите, — поворачиваюсь, чтобы рассмотреть очередную фурию, желающую несчастной Василисе чего угодно, только не благополучия. Передо мной возникла дородная девица, очень похожая на свою матушку, та самая, что прожгла платье сестры. Как же не хочется вдаваться в местные, мелкие склоки, когда меня ждут дела куда более важные во дворце. — Простите, сударыня, я понятия не имею, в чём вы меня упрекаете, но раз мне велено скрыть вышивкой следы вашего преступления, то я сделаю это со всей прилежностью.

— Чего? — ошарашенно отпрянула от меня девка и смотрит так же, как только что смотрела Христя. — Ты с чего это заговорила как знатная. Какая собака тебя укусила? Дурында? Ах вот ты чего задумала. Женихов наших хочешь умыкнуть? Вот ты, где у меня, я тебя насквозь вижу. Всю твою подлую душонку. Маринка, подь сюда! Полюбуйся на эту…

Из комнаты выглянула абсолютная копия первой хозяйской дочери, такая же дородная, белобрысая и краснощёкая девица.

— Да оставь её, Дунька, ты ведь скандал учиняешь, не за просто так, а чтобы Ваську сослали в свинарник, чтобы она не успела заштопать дырку на подоле и мне пришлось надеть старое платье. Ваську не тронь, пусть работает, а тебе и косы не достанется, и не получишь ты Степана, он мой.

— Нет, мой! Ты себе Ерёмку забирай. Вот горе-то родиться одинаковой наружности со стервой! Ненавижу тебя, Маринка! Уж лучше бы Васька была моей сестрой! Ненавижу. Мой Стёпка!

— Ха-ха-ха. Мой он. Не получишь, я с ним на ярмарке раз на Христов день целовалась, и он обещал жениться на мне. И он мою примету знает, родинку. А ты выйдешь замуж за колченогого, — передразнивая сестру, также противно завопила Марина, и чтобы уж совсем огорчить свою неточную копию, пальчиком показала маленькую мушку над своей губой. Очень пикантную, надо сказать. У Евдокии нет шансов, оттого и платье сестры сожгла.

Наблюдаю за дуростью невест, а пора бы бежать от них, а то, чего доброго, свою злобу на мне отыграют.

В коморке только узкая постель из досок, старый стол, лавка, и большой огарок свечи. Нет ниток, иголок и ножниц. Ничего нет.

— Как же не хочется спускаться в горницы, спрашивать швейное, — шепчу, оглядываясь, и вдруг у меня созрел грандиозный план. Сказать, что нитки нужны особые и иглы тонкие, а это, наверное, только на рынке можно достать. На рынок-то пойду и там сбегу.

Но моим планам не суждено сбыться сегодня. В маленькую келью, кряхтя и чертыхаясь на узких ступеньках, вскарабкался всё тот же старик, что меня из подвала вытащил, кхекнул для порядка и вошёл с «дарами» и добрыми наставлениями:

— Барыня прислала тебе свечи для работы и швейное, сиди девонька, а то там внизу две кошки сцепились, попадёшь им под руку, остригут налысо, уж они это могут.

— Налысо? А зачем?

— Знамо дело. Они же на смотрины твою толстую косу себе в мышиный хвостик вплетут, чтобы женихам понравится. Вчера же грозились, вот ты и спряталась. Покуда траур и смотрины отменили, то и бритьё отложили, но помельтешишь перед глазами, и косы-то лишишься.

Перекидываю наперёд свою новую толстенную русую косу и понимаю, что это единственное богатство Василисы. Последнее…

Бежать надо срочно. И если я выгляжу как уродина, тощая и замызганная, то не обязательно же бежать во дворец. Можно же сначала в отчий дом…

И как мне в голову не пришла эта простая и такая тёплая идея, матушка же должна признать меня, я бы своего Богдана в любом виде признала, материнское сердце не обманешь.

Глава 3

Пока внизу шум, гам, визги и ругань мамаши, выйти из своего укрытия я не осмелилась, быть нищенкой, замарашкой, да ещё и бритой, совершенно ужасная будущность. Если князь меня увидит, то прогонит с глаз, и прикажет наказать, может, и не поркой, но тяжёлыми трудами точно.

Ещё и додумать мысль не успеваю, а горючая слезинка уж капнула, за ней вторая. Вспомнился мне муж, и как мы любили друг друга, и какими ласковыми словами он меня называл. Он любил Софью, её нежное, белое, мягкое тело, любил её красивый голос и песни, любил целовать её в уста сахарные. Её, а не меня…

Я превратилась в пигалицу, тощую замарашку, нищенку, на какую нормальный мужчина и не взглянет.

— Отпущу эту боль, но умолю Михаила дозволения стать няней до конца дней моих прислужницей при сыне, большего мне не нужно. Пусть так, пусть пустое место, но своего сыночка я подниму, а когда он вырастет, то признает меня, и полюбит, как настоящую мать…

Приговариваю, перебирая моточки ниток, проверяя иглы в шкатулке, и маленькие искусно сделанные ножницы, довольно острые и для работы пригодные.

Внизу что-то загрохотало, не иначе сёстры подрались.

— Бежать надо и быстрее, пока на улице светло. На ночь среди этих людей оставаться боязно. Совсем умалишённые.

Осмотрела себя, светёлку, платье…

Появилась шальная мысль надеть на себя прожжённую обновку, но за это меня из-под земли достанут.

Придётся в своём старье, но на гвозде висит побитая молью старая душегрея и шаль, такая же уродливая, как и всё остальное.

Грех воровать, но я решилась, забрала иглы, воткнув их в серый передник на груди, несколько мотков ниток и ножнички в большой карман сунула. Приметную косу прикрыла шалью, чтобы никто не признал, да не вернул хозяйкам.

Как жаль, что лапти прохудились, в таких по грязи только и ходить, считай, босая…

Прислушалась и показалось, что скандал стих, все занялись своими делами или чай пьют.

Осторожно спускаюсь по лестнице, крадучись прохожу мимо кухни, и Христя меня заприметила.

— А ты куда это собралась в тёплом-то? Закуталась, как на крещенский мороз…

— На двор, а оделась, потому что морозит меня, замёрзла я.

— Ну ладно, долго не сиди, а то продует или надует под юбку-то, обрюхатишься, — рассмеялась своей же глупой шутке и продолжила собирать чай для хозяек.

Быстрее выхожу в сени, и чуть было не запнулась в потёмках о пару старых сапог, великоваты, но в лаптях по холодным лужам я не добегу до отчего дома. Если матушка меня признает, то верну этим злыдням деньгой.

На том себя и успокоила. Сунула ноги в сапоги, перекрестилась и на двор, псина меня на радостях чуть с ног не сбила, а я бежать, ворота лязгнули, и через мгновение вот она волюшка долгожданная.

В какую сторону бежать, никакого понятия, из-за деревьев и куполов не видно.

Спрашивать кого-то опасно, Ваську здесь все знают, вернут в проклятый дом и тогда пиши пропало, ни косы, ни жизни...

Доверилась своему сердцу, перекрестилась и повернула направо.

Шла, не разбирая дороги, пару раз из подворотни на меня выскакивали злые собаки, но я лишь добавляла шагу, только бы быстрее скрыться. Остановилась лишь на развилке, вокруг уж и людей больше снуёт, и телеги, и верховые.

Поднимаю голову и, наконец, вижу главный храм. Он совсем рядом с княжеским подворьем. Колокола загудели, как зовут меня: «Иди домой, спеши, сыночек ждёт!»

Ноги не слушаются, и уже сворачиваю к дворцу, как заворожённая шагаю на зов, чуть было под бричку не попала, едва успела остановиться и опомнилась:

— Сначала к матушке…

Нам боярским дочерям одним по городу гулять запрещено, я и не знаю ни местных обычаев, ни улиц, но знаю, как от кремлёвской слободы до нашей боярской доехать. Осмотрелась и поняла, что можно и по широкой объездной дороге, так и быстрее, и народу меньше.

— Эй, красна девица, куда спешишь? — над моей головой раздался игривый мужской голос, сильный, и довольно приятный, оттого опасный, от таких добрых молодцев молодым девкам лучше подальше держаться. Сторонюсь и добавляю шагу…

— На работы оставьте меня, дяденька, некогда мне.

— Да какой я тебе дяденька? Я ж добрый молодец, может довезти, у меня седло-то мягкое, тут и твоя тощая… (он не стал уточнять, что именно у меня тощее) поместится, да и тепло. Куда хоть путь держишь? Красавица.

— Пожалуйста, будьте любезны, оставьте меня в покое, я действительно нахожусь в весьма затруднительном положении, мне не нужны такого рода приключения, — останавливаюсь, поднимаю на него взгляд и понимаю, что он сейчас язык-то свой проглотил. А я свой прикусила.

Это же княжеский гридень, один из телохранителей мужа. Судя по виду и сумке дорожной, он откуда-то в город возвращается с поручения. Поди и не знает, что княгиня померла.

Сказать ему, кто я такая? Признаться и…

И он сочтёт меня сумасшедшей.

Но он остановил коня и смотрит на меня так, словно я писаная торба с угощениями.

— Откуда ж ты такая красавица, да разумница взялась? Почему одна шастаешь, обидят… Время неспокойное. А ты, видать, не из простых? Случаем не из семей каки-то разорившихся, м?

— Извините. Я пойду, а то мачеха меня выпорет.

— Как звать-то тебя, дева…

— У меня самое неприметное имя, скажу, и оно тут же забудется, ни к чему вам, Григорий Ермолаевич, с дворовыми девками разговоры водить…

— Так! Это ещё что за новости, а меня откуда знаешь? — его красивое лицо окончательно вытянулось в удивлении.

— Подёнщицей когда-то во дворце работала. Память на имена хорошая, простите великодушно, мне, правда, некогда. Прощайте…

Пользуясь моментом и его ошалелым видом, я свернула на узкий мосток для ходоков, ему на коне сюда не сунуться, а пока он спешивался и попытался догнать, мой след и простыл, серой мышке затеряться в толпе немудрено.

Однако у меня появилось некоторое сомнение насчёт своей внешности, неужели я не уродина, какой меня все кликали в доме Евдокии и Марины. Даже фамилию их не припомню, да и кому они нужны, злыдни.

Так рассуждая, я почти добрела до нашей слободы. Осмотрелась и душа застонала. Вон там за поворотом наши палаты просторные, нашего старинного боярского рода Аксаковых. С каждым шагом тревога нарастает, ужасное предчувствие терзает сердце нестерпимой болью, чтобы не дрожать от холода и страха обхватываю себя руками что есть мочи, так крепко, как когда-то муж меня обнимал. И бегу по улице, не останавливаясь, чтобы не сбиться и не передумать.

Гридень меня не признал, а ведь у него нюх, на такие дела, как у ищейки, не даром в Тайном приказе службу несёт. Худо будет, если челядь нашего подворья меня даже на порог не пустит.

Вдруг пожалела, что не призналась Григорию, уже бы во дворец приехала, и что меня дёрнуло бежать от него?

Страх, что обвинят в наговоре, а такое дело добром не кончается, накажут, не разбираясь и князю не докладывая.

— К матушке надо, она меня признает, мне её только одним глазком увидеть… Без поддержки и свидетельства матушки во дворце меня до князя не допустят! — наконец, показалось, я стала разумнее, чем была только что. На миг ощутила в себе силу правды, ведь не должно быть так, как оно всё сложилось. Нет на мне такого греха, чтобы так страдать.

И следующая же мысль обожгла правдой: «Василиса и вовсе святая душа, невинная жертва жестоких домочадцев, а страдала безвинно». Неприятная оторопь за сердечко взяла, напомнив, что нет справедливости, за всё надо биться, были бы силы, а их пока нет. На матушку уповаю, кто, если не она...

Глава 4

С каждым шагом мне всё тяжелее и тяжелее. Страшно, что меня не признают, да, скорее всего, так и будет.

Солнышко согревает, птички поют весенние песни, а от родного дома веет тоской. На заборе и над воротами еловые ветки, перевязанные траурными лентами, и родовое знамя спущено над самой высокой башней, где я в детстве любила прятаться, изображая из себя сказочную царевну. Каждый уголок мне здесь знаком, каждое окошко. И в том самом широком тереме сейчас покои моей матушки. Сердце сжалось от тоски, — и на секунду всё вокруг замерло, оставив наедине с этой тихой, но настойчивой болью.

Как раньше больше ничего не будет.

Вообще ничего.

Я настоящая умерла, и доказать своё право на прошлую жизнь не смогу, потому что никто не поверит нищенке…

— Поберегись! — где-то сбоку раздался грозный крик ямщика и выдернул меня из ужасного оцепенения.

Стало невыносимо холодно.

И вдруг поняла почему.

Мой гроб сейчас стоит у могилы, и муж наклонился, поцеловал мои ледяные уста. Я чувствую его, душа чувствует, слышу, как он шепчет, что всегда будет любить, никогда не забудет, что я его единственная. Но почему так жестока судьба, отняла лебёдушку…

Это «почему» бьёт в моих висках набатом, так плохо стало, словно меня сейчас опоили ядом. Кое-как добрела до брёвен, лежащих у хозяйственного входа в наше подворье, опустилась на них и зарыдала.

Прошлого действительно не вернуть.

Чувствую, всю боль и стоны родных где-то на погосте…

Но не посмею туда прийти, не посмею сейчас показаться на глаза матушке, она не переживёт. Никто не сможет подтвердить…

Если только, я не скажу что-то сокровенное.

— Эй, что ты воешь, и без тебя тошно на душе, шла бы восвояси, голубушка…

В мою черноту прорвался знакомый голос: это наш тиун, смотритель за домом Яков Петрович, он же меня с рождения знает. Не меня, а Софью.

— Я принесла вам весточку с того света, хочу увидеть матушку княгини, — всхлипывая прошептала сорвавшимся голосом…

— Да типун тебе на язык, блаженная. Узнала о горе и пришла наговорить? Как у тебя язык поворачивается. Поди клянчить чего-то хочешь…

— Княгиня простила передать, что любит вас всех, и матушку хотела обнять в последний раз. И умоляла позаботиться о Богдане, пусть матушка держится, кроме неё, у мальчика никого нет. Князь женится на другой и сгинет Богданушка…

И слёзы снова душат, упала на брёвна и зарыдала навзрыд, выпуская всю боль.

— Да что же ты милая, ох, Мать честная, пойдём в дом, хоть подам тебе еды. Да, может, одежды найдутся, а то на тебе лохмотья. Надо же ты, видать, с духами общаешься. Мы тебе подадим, а ты светлая душа, помолись об упокоении души нашей Софьи.

Всхлипывая, не в силах унять слёзы, я послушно плетусь за Яковом Петровичем во двор, он шепнул что-то служанке, та окинула меня неприятным взглядом, какая-то новая, уже после моего замужества её взяли на работы. Но сказать что-то против воли тиуна не посмела, ушла в дом, пока мне в людской налили чаю и подали блинов, помянуть.

— Пелагея Андреевна на похоронах сейчас, ох, как же это. Приедет и сляжет. Не до новых ей людей, но слова твои ежели у меня язык повернётся, то передам. Однако оставаться тебе здесь, девонька нельзя. Боярыня у нас очень строгая с людьми, а новых в такое время и на глаза перед собой не пустит.

— Я всё понимаю, простите…

Есть мне сейчас меньше всего хочется, и одежды мне не так и нужны. Я в этих стенах наполняюсь силой. Хоть какое-то тёплое ощущение и память о прошлых счастливых годах.

Дверь резко открылась, и не вошли, а влетели две женщины. Одна та самая служанка, что должна была мне подать одежды, а вторая — наша стервозная старшая горничная. Никогда её не любила, но из-за крепкого характера и преданности маменьке, Глафира прижилась в доме и теперь властвует.

— Какого рожна ты привёл в дом эту замарашку, смотреть противно на её тряпьё. Да все в городе знают о трагедии, а эта прощелыга решила заработать на горе.

— Но она так убивалась, невозможно так рыдать о чужом горе. Юродивая девочка духов слышит, вот весточку с того света передала, — Яков Петрович виновато ещё раз взглянул на меня, потом на Глафиру. А та стоит руки в бока, красная разъярённая рожа пышет злобой, она прям как сестра тем грымзам, что держали Василису в чёрном теле. И как маменька допустила до себя такую гадкую женщину.

Были бы у меня сейчас силы, то, наверное, сказала бы в своё оправдание что-то настойчивое и резкое, но сил нет. Моё родное тело только что похоронили…

— Я сейчас уйду, простите, мне нужно было побыть в этих стенах и увидеть вас всех, даже тебя, Глафира, жаль, что ты не изменилась, всё такая же жестокосердная…

К блинам не притронулась, но молодая служанка решительно сделала шаг вперёд и протянула мне узел:

— Собрали, что есть из женского, чистое, помолись о нашей госпоже. Это же врагу не пожелаешь, так рано уйти, может и правда мечется её душа, ведь сыночка оставила. Помолись.

— Каждый день буду молиться.

— Получила, а теперь уходи, скоро госпожа с погоста приедет, ей только юродивых и не хватало. Ежели не поторопишься, то собак спущу, — прошипела Глафира, у неё всегда была ненависть к нищим, они у нашего дома никогда и не останавливались. Все знают, что здесь не собаки страшны, а главная служанка. Но матушке так удобнее, отстранилась от мира после смерти батюшки, а как переживёт мою смерть, одному богу известно.

— Благодарствую…

Забираю узел, в моём положении ничем нельзя брезговать, выхожу на двор, и почему-то вдруг пошла не привычной для всех «тропой» через двор, обходя цепи наших псов-охранников, а напрямик, через самого свирепого пса, какого сама же ещё щенком тискала…

«Если он меня признает, то шанс будет», — загадала себе и иду, ожидая, что огромный чёрный зверь сейчас на меня кинется, потому что у души запаха нет, и выгляжу я совершенно иначе…

— Куда ты! Горемычная. Там псина злая, да что ты будешь делать, — завопил мне вслед Яков, но злой чёрный Гром подошёл ко мне и лизнул руку.

— Прощай, Гром, я ещё вернусь, когда боль хоть немного отпустит, охраняй маму…

Прошептала собаке, погладила его огромную голову и вышла со двора, под его душераздирающий вой и метания, хоть пёс меня признал.

Ворота за мной закрылись, и стою, совершенно не представляя, что делать дальше. Идти во дворец и проситься на любую работу, хоть какую, пусть даже ночные горшки выносить, полы мыть, стирать, что угодно, только бы на шаг ближе к сыну.

Вижу купола и иду на них, а вокруг почему-то становится тесно. Народ прибывает, мужики шапки снимают, а женщины начинают подвывать.

— Князь, князь с погоста возвращается, — пробежало волной по толпе, и моё сердце снова забилось, как раненная птичка в силках.

Кажется, я и в этом теле долго не проживу. Поднимаю голову, смотрю в начало широкой улицы и больше ничего и никого не вижу. Меня со всех сторон толкают и что-то ворчат, что сейчас монеты будут кидать, на поминание княгини, монеты…

А мне бы увидеть его, хоть бы одним глазком…

Глава 5

Толпа охнула, шевельнулась и в едином порыве отшатнулась от дороги, теснясь, меся весеннюю грязь на обочинах и вжимаясь в высокие заборы подворий.

— Князь, князь… — прошелестел шёпот вокруг.

А мне слёзы застили глаза, всем сердцем чувствую его приближение. Как огромная чёрная туча надвигается на нас. И туча эта — тоска, тьма, какой окутан господин моего сердца…

Процессия медленно продвигается по улицам, все витязи опустили непокрытые головы, и только мой муж сидит ровно, статно на своём огромном чёрном коне. Князю нельзя ни взглядом, ни вздохом показать свою боль, потому что боль – это слабость. А слабый князь и недели на своём троне не удержится.

Мы всего три года женаты, а кажется, что всю жизнь. Я только его ждала, только его и любила, мне сейчас так тяжело, что задыхаюсь, ни толпы не чувствую, ни страха.

Вижу только его…

Губы шепчут: «Родной, Мишенька, любый мой! Я вижу тебя. Хочу крикнуть, позвать тебя по имени, но слова застревают в горле, словно их кто-то намертво запечатал. Хочу сделать шаг, протянуть руку, коснуться твоего плеча — но не могу. Между нами теперь целая вечность, невидимая стена, которую не преодолеть. Ты не знаешь, что я здесь, рядом… Для тебя я умерла».

И от этой мысли сердце разрывается на части, боль накатывает волнами, забирая последние силы. Как же невыносимо…

Закрываю глаза и продолжаю вроде бы шептать ему и вдруг слышу свой голос в тишине притихшей толпы, словно никого и ничего нет вокруг.

— Родной мой! Прости, прости, что оставила тебя. Люблю, люблю всем сердцем, береги сыночка, умоляю тебя, родненький мой, береги Богдана нашего. Прости…

Открываю глаза в ужасе и вижу, как траурная процессия замерла, мужчины повернули головы, а тот человек, что ехал последним и бросал медные деньги в разные стороны, начал бросать только в нашу. Оцепенение прошло, стоило звонким монетам посыпаться на головы горожан. Люди ожили и начали толкаться, подбирая, ловя на лету пожертвования щедрого князя.

А я смотрю на мужа и понимаю, что он меня не признал и никогда не признает. И сейчас ему кажется, что это видение, дурман от тоски.

Монетки как снег осыпали меня. Одна попала в голову, и я тоже очнулась от наваждения.

— Эй, девонька, тебе деньга-то не нужна? Чего стоишь, подбирай, подбирай. Вот горюшко-то…

Какая-то старуха толкнула меня в бок, чтобы я отошла и не мешала им собирать подаяния. А я не могу взять эти деньги, они раздаются, чтобы меня же и поминали, за моё упокоение молились горожане.

Хочется крикнуть: «Живая я! Живая, я ещё вернусь!»

Но молчу. Мои силы ушли, а с ними и голос…

Как всё закончилось я и не заметила, ещё долго вокруг суетились, копошились люди, надеясь, что в грязи ещё хоть одна монетка осталась.

Куда идти, что делать, солнце уже к закату, а мне всё равно, что воля, что неволя, что голод, что холод.

— Старый, ну она так и стоит, не шелохнётся, что делать-то холодает, может, с собой заберём, кабы она не простонала, так и не осыпали бы её деньгами, а с ней и нас…

Негромко крикнула своему мужу та самая старуха, что собирала монеты рядом со мной, видимо, осталась очень довольная уловом, потому расщедрилась на доброту.

Старик подошёл ко мне, осмотрел, как бесхозную скотину, прикинул, можно ли с меня получить ещё какую выгоду, почесал скудную бородёнку и принял решение:

— Девка миловидная, нищенка, мож юродивая. Так и стоит. Надо же. Видел я одну такую же, она с мертвяками за деньги разговаривала, очень прибыльное дельце. А ежели эта не умеет, то по хозяйству нам с тобой поможет, угол найдётся, ты уже стара у печи суетиться, а я целыми днями на работах подёнщиком. Авось нам эта девка достатку добавит.

Я слышу их разговоры, чувствую, что они обо мне думают, а пошевелиться не могу, сковала меня боль нестерпимая, сердечная, душа вырывается, лететь во дворец, да тело не пускает, как в капкане держит…

— Может, и добавит. Только она какая-то застуженная, — она обошла меня и ещё раз довольно больно толкнула меня в бок, и тем оживила. — Эй, девонька, холодает. Ты с призраками говорить умеешь?

— Нет, я ничего этого не умею, только вышивать, моя жизнь кончена, простите, пойду…

Сама не понимая зачем, вдруг пошла в сторону дворца, все помыслы мои там. Скоро вечер, сынок, должно быть, плачет, мать зовёт…

И снова погружаюсь в дурман боли.

— Нет, так дело не пойдёт. Нельзя её оставлять, уж холодает. Держи горемыку с одной стороны, а я с другой. Отведём домой. Да и вышивальщицы нонче в цене. Если она и впрямь рукодельница, так даже лучше, — старик уже подхватил меня за руку, и старушка повисла с другой стороны.

Сопротивляться нет никаких сил. Они настойчиво увлекли меня в какой-то серый проулок, провели по узкому переулку между высокими заборами. И стоило первым каплям холодного весеннего дождя упасть на мою голову, как мы оказались перед старой лачугой на окраине городка, на берегу реки и в окружении пышных кустов, какие вот-вот покроются зеленью и прикроют стыдливую нищету хибарки…

— Ну вот мы и дома. Входи, дочка, как тебя зовут-то?

— Соф… Василиса, — в доме немногим теплее, чем на улице, старик поспешил закинуть в печурку дровишек, бабка усадила меня на лавку, а сама начала собирать на стол.

— Ох, надо было хоть в лавку зайти, да еды подкупить. Да уж завтра деньги потратим, под дождём не пойдём. Сейчас вон каша с тыквой, чем не угощение, да вода горячая с сушёной малиной, — ворчит под нос и гремит посудой, тут же повернулась ко мне и спросила. — Так ты сиротка?

— Да.

— А откуда?

— Отсюда.

— Ох, совсем застывшая. Но сейчас горяченького попьёшь, кашки съешь, да отпустит. У тебя в узелке-то что?

— Не знаю, это мне в доме матушки подаяние дали…

— Можно взглянуть? — старуха подошла и протянула руку к моему узлу с какими-то вещами.

Безропотно отдаю, потому что нет жизни даже на простые вопросы отвечать.

Старуха проворно развязала узел и начала показывать «богатство»: два простых платка, пара женских рубашек, исподнее, сарафан и юбка из плотной ткани, носки шерстяные, шаль…

— Не бедно подали, ну хоть не придётся тратиться тебе на одёжу, а лапти наш дед тебе быстро сплетёт. Садись к столу-то. Воды бы нагреть, обмыться, да поздно уже. Сегодня так ляжем почивать, а уж завтра… Вот тебе и подушка под ушко, укрыться тоже найдём чем.

Старуха быстро сложила все вещички и снова завязала в узел, попробовала на мягкость и положила на широкую лавку вместо подушки. А меня взяла за руку и почти силой притянула

к узкому, старому столу у окна, поставила плошку с кашей, подала деревянную ложку и для оживления снова ткнула меня в спину.

— Ой! — она попала пальцем туда, где нестерпимо жжёт с того самого момента, как я очнулась утром в доме, где выживала Василиса. И эта телесная боль вдруг огнём пробежала по телу, согрела, взбодрила и оживила. Я очнулась от дурмана. И тяга идти, ползти, лететь во дворец, только бы снова быть рядом с мужем и сыном, отпустила. — Уф! Ой, где я? Простите, я сама пришла?

Оглядываюсь теперь осознанно и вижу перед собой двух нищих стариков, испуганно глядящих на меня.

— Это мы тебя привели, ты стояла на улице, как полоумная. Вообще, ничего не помнишь?

— Смутно припоминаю, простите за неудобства…

Мне стало совестно, у них и так ничего нет, а тут ещё я со своими горестями.

— Да какие уж тут неудобства, так ты с духами говорить умеешь?

Качаю головой из стороны в сторону, пытаясь сообразить, откуда у них такие мысли обо мне.

— Может она того, впадает в беспамятство и так говорит от лица духов, а потом и не помнит, — прошептала старушка мужу в моё оправдание и ещё ближе пододвинула деревянную кружку с горячим напитком.

— Если так, то я не знаю, может, и говорю, а может, и нет. Хозяйство вести не приучена, но быстро научусь, вышивать умею красиво. Но мне нужно попасть во дворец, очень нужно…

— Да ты ешь, ешь, и мне Матрёна подай каши-то. Так вот, во дворце-то хорошую деньгу плотят, я там тоже на грязных работах подёнщиком, но уж третий год меня берут, однако скоро и этой работе конец, возьмут молодого. А меня вон.

— А мне туда как попасть?

— Пока никак, девонька, траур, новых не набирают, только проверенных. Недели через три двери-то откроют, но там такая толпа будет, что не протолкнуться. Лучше бы подумать, как твоё вышивание к делу пристроить. Авось прибыль будет…

Мы уже сидим за тесным столом, неспешно едим сладковатую, тыквенную кашу, и я во все уши слушаю старика. Он мой ключ к проникновению во дворец. Если он всё знает, то и меня проведёт, а пока вышивка. Достаю из кармана нитки, ножнички:

— Что-то у меня есть, если бы тонкой дорогой ткани немного купить, я бы вышила несколько платочков, и продать их можно. А если бы ещё пяльцы…

— Денег-то найдётся, купим тебе всё для рукоделия, но ежели покажешь сейчас или завтра на что способная, достань хоть тряпочку, да приноровись.

— Покажу…

После сытного ужина, пока горит свеча и от окна есть хоть какой-то свет, вытащила из узелка рубашку, что подали мне в доме матушки. Выбрала самую острую иглу из украденных, нитки и без подготовки начала самый любимый свой узор: маленькие цветочки-гвоздики. На пяльцах было бы сподручнее и быстрее, но я и так справилась.

— Ох, красота-то какая. Надо же. Молодца. С такими руками, тебе и во дворец не надобно, сиди, вышивай. Я всё это рукоделие продавать буду. Приданое тебе справим, замуж за доброго молодца выдадим и заживём, как счастливое семейство. А? Внученька…

Я сразу стала для них внучкой. Оно и понятно, всем страшна одинокая старость.

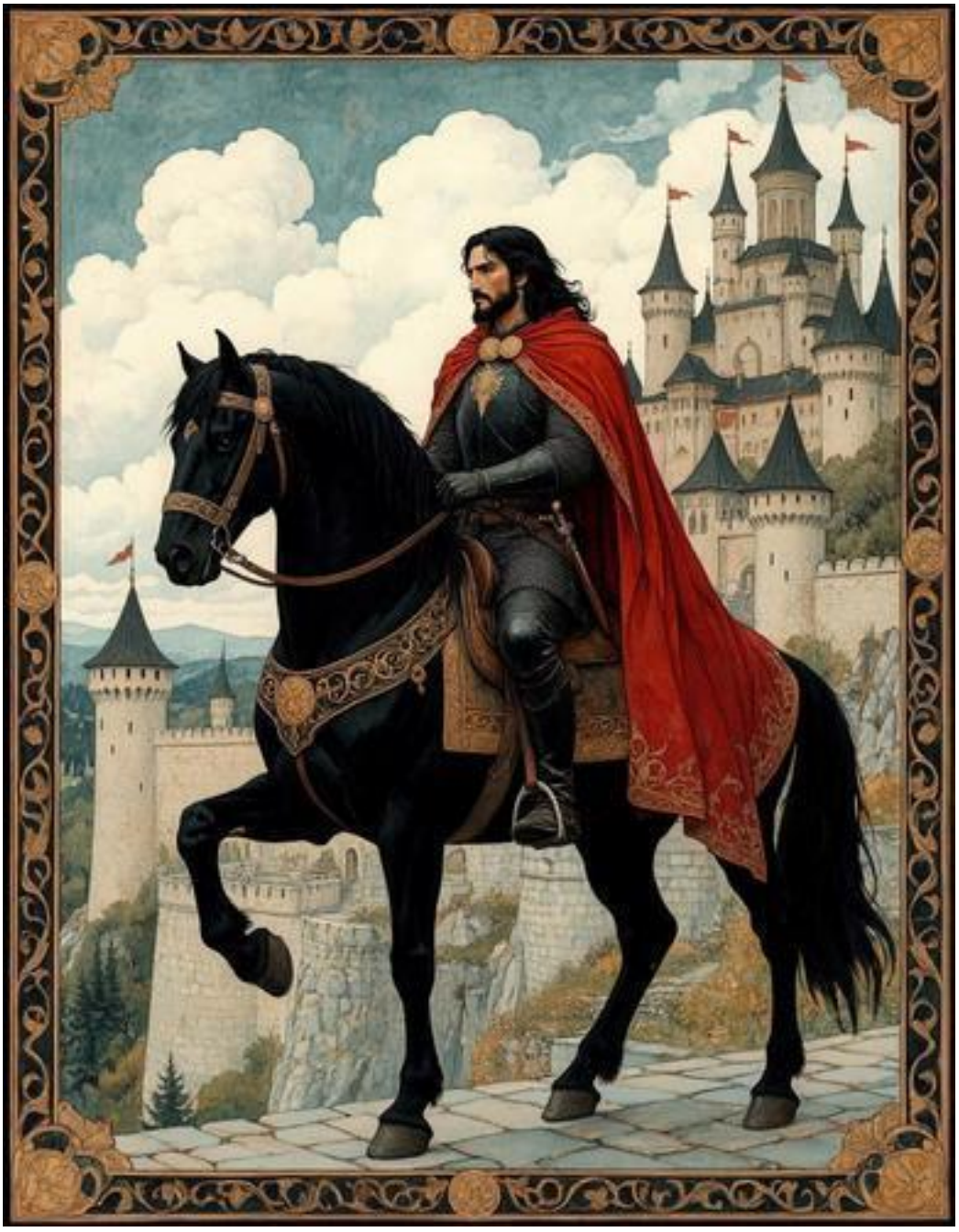
— Я не могу замуж, я уже…

— Вот те раз, а кто твой муж?

— Во дворце… Служит, — я не смогла не соврать толком, ни правду сказать, но развеять их ожидания должна.

— Вот оно что, он у тебя загулял? А ты из деревни пришла его к совести призвать? От окаянный! Ну да всё равно, сейчас туда не пройти, через три недели сходим, найдём твоего соколика, да прижучим, ишь такую жену и побоку. А теперь всё, спасть пора, утро вечера мудренее. Сначала на работы, потом на рынок сходим, купим тебе всё для рукоделия, глядишь, с ним ты и во дворце пристроишься получше, чем в свинарнике, да отхожие места мыть. Думашь, для таких, как мы там белая работа? Нет, самая грязь, сходишь разок, да после сама откажешься и сядешь вышивать, в тепле да сухости.

Старик проворчал отповедь, я и сама понимаю, что в том виде, какая я сейчас, дальше свинарника меня не пустят. Но это всё равно шаг к цели, от которой я не могу отступить.

Глава 6

Поминальная трапеза не затянулась. Князь недолго сидел за общим столом в гриднице и ушёл к себе, за ним поспешил верный друг и соратник Платон Антипович. Побоялся воевода оставить одного Михаила Васильевича после похорон жены. Очень уж скоропостижная кончина приключилась да оборвала счастье князя, а ведь ещё третьего дня Софья была жива, здорова и весела, а теперь во сырой земле. От скоропостижности и есть опасения воеводы за князя.

Долго сидели молча в княжеских покоях, ничем не выдавая бури в душе.

Но она бушует, и не только тоска и боль, а теперь и сомнения гложут:

Ещё вчера был один вопрос: «Как такое могло случиться?»

Каждую мелочь, каждую минуту последних дней пытался Михаил припомнить, была ли хоть какая-то закавыка, об которую можно было бы зацепиться, потянуть за ниточку, размотать и понять, откуда беда пришла. Кто сотворил зло с его лебёдушкой?

Все магические нити старательно обрублены, и концов не найти, кто-то сильный постарался, извести жену князя.

А теперь появился второй вопрос, и страшнее первого: «А умерла ли она на самом деле, не морок ли?».

Размышляя, не заметил, как заговорил вслух:

— Неспокойно на душе, словно живую жену в гроб уложил, да в могилу опустил, сам же первый ком землицы сырой бросил. Она совершенно точно была мертва, тело ледяное, онемевшее. Но кто же крикнул…

— Ой, княже, не томите себя. Так, недолго и самому занемочь, а это опасное дело, ну, крикнула какая-то юродивая. Такое бывает…

Воевода Уваров попытался свести все горестные домыслы к простому пояснению, и тем самым вернул князя в реальность.

— Юродивая? Ой ли? — мельком приметил нищенку, миловидная, и голосом, и словами так напомнила Софью, что сердце сжалось, и до сих пор не отпускает. — Надо бы к сыну войти, но пока не могу. Взвою волком без моей лебёдушки.

Стукнул кулаком по столу, чтобы выпустить пар, и точно не взвыть.

— Послушай, княже, есть такое дело, ежели человек, особенно жинка помирает мгновенно, а у неё дитя осталось, то не может душа её перейти в мир иной спокойно. У меня в детстве такой случай был, тётка померла, так она так наловчилась, что любого юродивого захватывала и передавала свои послания, да указания, поначалу-то думали, что это нас люди злые обманывают, чтобы подать клянчить. Но она говорила такие слова, какие никто знать не мог. Вот и княгиня также смогла.

Князь сначала смотрел в одну точку, словно там стоит невидимая тень его жены. Но теперь уставился на своего воеводу, да интерес сверкнул в глазах.

— И что вы сделали? Она упокоилась?

— Её муж надумал жениться через год-два, надоело ему привечать нищету, и слушать наставления покойной жинки. Он заказал сорок служб в разных храмах, и тётушка перешла в мир иной. А он после женился второй раз на хорошей женщине. Тебе, князь, ведь тоже придётся жениться, это неизбежность, если не возьмёте за себя деву из сильного рода, наша сила пошатнётся. Мне ли тебе напоминать. Отпустить надо, не сразу, но со временем придётся…

Князь поморщился, услышав самые жестокие слова, хотя и сам понимает, что сие дело неизбежное, как зима после осени.

— Но что, если она не умерла, или как твоя тётка мыкается между мирами. Так и бесовское подземелье можно вместо рая заполучить…

— Вот и я пытаюсь тебе об этом сказать. Не все души выдерживают такие мытарства. Многие обращаются в лярв. Отпустить надо её. Пострадать, но отпустить. Прикажи, и я отправлю гонцов во все города и монастыри с приказами отчитать панихиды. Так, мы её спасём, и вам с Богданом будет легче. Мёртвые – опасны, даже любящие.

Снова тягостное молчание и размышление. Подождать? Или всё же заказать панихиды?

— А если она сможет передать мне весточку, хоть бы…

— Ой, княже. Опасное это дело. Ты и сам знаешь, сам слышал, что юродивая тебе крикнула. Что прощения просит, что любит и просит о сыне позаботиться. Они все только такие слова и говорят. Не мучь себя, отпусти…

— Не просто так я этот разговор затеял, — Михайло Васильевич вдруг начал закатывать длинный рукав на шёлковой рубашке, и протянул руку, показывая воеводе истинную причину своих переживаний.

— Матерь Божья, метка брачная, она же вроде как должна сойти, после смерти жены.

— Она и сошла, сразу после смерти моей Софьи, растворилась, пропала. А сегодня утром вдруг начала гореть, и вот она проявилась. Потому я и в смятении, не понимаю, что делать. Она умерла, или нет, или я женат на призраке.

Воевода встал, забывшись, взял руку господина за запястье, и внимательно рассмотрел обновлённый знак брачного договора. Почесал затылок, покумекал, сокрушаясь, что не силён в магических делах, но совет дать решился.

— Я вот как думаю, завтра поезжайте в дом её матери, поспрашивайте, видела ли она или слышала призрака, матери это дело хорошо чуют о своих детях. И если что-то эдакое у них тоже происходило, то сразу же сделаем так, как мой дядька поступил. Но и к сведущему человеку надо бы обратиться. Есть у нас один колдун, кто по загробным делам промышляет. Во дворец он не пойдёт, нам самим придётся к нему проехать, однако это лучше после девятого дня.

— А если она ко мне придёт ночью.

— Придётся попросить её уйти, больно, но другого способа нет. Мёртвым не место среди живых…

Князь встал, резкими движениями раскатал рукав рубахи, и как загнанный зверь сделал несколько шагов взад-вперёд. Тяжело даётся принятие, но воевода прав, мёртвым не место среди живых.

— Хорошо, будь по-твоему, завтра навещу Пелагею Андреевну, попрошу прощения за то, что не сберёг нашу ладушку, и узнаю, не было ли у них каких-то явлений. После отдам приказ, разошлём гонцов.

— Вот это мудрое решение, уж поверь мне. Выйдут все сроки и на сороковой день она точно упокоится. А если нет, то тогда уж к колдуну.

— На том и порешим, а пока оставь меня в покое, один хочу побыть…

Воевода поклонился и вышел, прикрыв за собой массивные резные двери.

Когда тихие шаги стихли, князь встал в центре покоев, закрыл глаза и прошептал в пустоту:

— Любовь моя, Софья, если ты здесь, дай хоть какой-то знак, я почую, утешь мою душу, что я не совершил ужасное, похоронив тебя…

Долго стоял, ждал и ничего. Ни дуновения, ни голоса, ни касания, и даже свечи не колыхнулись. Однако метка вдруг перестала гореть, но и не исчезла, она просто вернулась на своё место, словно княгиня жива…

— Или в этот же момент у меня появилась новая невеста, твою ж… Как я об этом не подумал. Неужели так быстро? И где теперь её искать, да и надо ли…

Глава 7

— Госпожа, простите меня, только что сам князь приехал по срочному делу, его уже проводили в красную горницу, встретили со всем почётом и уважением. Но он вас просит. Сказал, что душевную вашу боль понимает и сам чувствует, но разговор какой-то очень важный есть.

Пелагея Андреевна с раннего утра сидит в деревянном кресле и при свечах читает Священные Писания, чтобы хоть немного заглушить ту самую боль, о которой зять упомянул, но вряд ли понимает и чувствует. Ему-то что, похоронил одну, завтра женится на другой. Таких невест пруд пруди…

— Помоги мне, поправь повойник и подай чёрную шаль…

Служанка поспешно, но без лишних движений сделала всё, что приказала госпожа, и отступила, давая несчастной женщине выйти из покоев.

— Здравия желаю, Пелагея Андреевна. Нам бы наедине поговорить…

— Здравия желаю, князь. Оставьте нас! — холодным, бесцветным тоном тёща и зятя поприветствовала и служанок выгнала.

Дверь закрылась, а разговор вдруг замялся, обычно Михаил Васильевич за словом в карман не лезет. Но сейчас на него больно смотреть. Почерневший, обессиленный от боли утраты, но стоит прямо, такого не согнуть…

Очень хочется порыдать на его плече, оплакать свою дочь, да нельзя. Приходится держать себя, а слёзы оставить на потом.

Михаил вдруг сам подошёл, взял тёщу под руку и помог сесть в широкое деревянное кресло, и сам присел напротив, вздохнул и начал:

— Я не знаю, как сказать-то, чтобы меня правильно поняли. Когда возвращались с погоста, какая-то юродивая дева крикнула мне словами и голосом Сонюшки. Мне кажется её душа неспокойная, но я мужчина к таким делам не слишком приспособлен, не чую так, как чувствуете вы. Хочу попросить совет, а может быть, и у вас нечто похожее было.

— Что было?

Пелагея не сразу сообразила, о чём вообще идёт речь, какая юродивая, и при чём здесь голос Сонюшки.

— Хорошо, поясню с самого начала. Мой воевода говорит, что скоропостижно ушедшие люди иногда занимают тела, или говорят через слабых духом, через юродивых. Мне показалось, что Софья вчера попыталась со мной поговорить, но дело было в толпе, на улице, и я не смог эту девицу распознать. Беда в том, что мы так и не выяснили, кто нашу голубушку убил, аона должна знать. Вот и пришёл спросить, не видели ли вы эту юродивую деву, через которую Софья со мной пыталась объясниться, она должна была и к вам зайти. Найти бы её, да поговорить напоследок, прощения попросить да узнать, кто причастен к этому чёрному делу…

Несчастная мать всхлипнула, покачала головой.

— Мне о таких не докладывают, чтобы не беспокоить, вряд ли к нам кто-то посмел бы заявиться.

— Может быть, спросить челядь? Мне это важнее важного…

Боярыня дотянулась рукой до серебряного колокольчика на столе и долго прозвенела, вызывая прислугу. Девица тотчас вбежала и низко поклонилась.

— Чего изволите? Может капель подать…

— Позже Тося, позже. Скажи-ка, не появлялась ли в нашем доме какая-то девица юродивая, не пыталась ли что-то сказать, — у Пелагеи язык не повернулся проговорить вслух то, что сейчас услышала от князя. Только лишь зная его характер, учинила допрос прислуги, ведь пока князь не убедится сам и не получит ответы, то не уйдёт.

Девица смутилась, пожала плечами и неуверенно прошептала.

— Была, аккурат пока вы на погосте были. Пришла и рыдала так, что наши псы завыли. С тиуном говорила, я ей одежды подала. А потом-то самое странное началось, наш-то Гром, псина страшная, уж его все боятся, но она к нему подошла и по голове погладила, а он её руку-то лизнул, а потом рвался с цепи за ней.

— Где она? — не сдержался и громом прогремел князь, пугая и без того запуганную деву. Она несчастная кулачок к груди прижала и чуть не зажмурилась, но ответила, заикаясь от страха:

— Так выгнала её Глафира, выгнала. И ушла дева, а куда никто не знает. Какая-то совсем пигалица, молоденькая, тощая, глазищи огромные и коса толстенная, но одета как чучело. Даже нищие лучше выглядят.

— Подай капель и сюда мне Якова и Глашку, вот стерва, как посмела-то, — простонала Пелагея, а когда служанка убежала исполнять приказ, повернулась к князю и призналась. — Сразу после смерти я её почуяла, Софью. Вернись ко мне, говорю, доченька. Я же тоже про юродивых знаю, это точно она была. Точно. И где теперь эту девицу искать, да и не отстала ли Софья от неё, раз мы такую оборванку слушать не стали? Горюшко, за что же мне…

В горницу громко топая, вбежал пожилой тиун, и следом побледневшая Глафира, вошла, поклонилась, но осталась у порога стоять.

— Рассказывайте…

Яков ещё раз поклонился и постоянно вздыхая, то ли от страха, то ли от трепета душевного начал рассказ:

— Она на брёвнах-то сидела и выла, так горестно, что сердце разрывалось. Я её в дом-то привёл, чаю да блинов подал помянуть. А она мне и говорит, что прощения просит, что ушла так рано и нас всех покинула. И любит всех. И ещё просила вас, матушка наша, госпожа, позаботиться о Богдане, потому как если князь, простите меня врать не могу такие слова, так вот, если князь женится снова, то Богдану при мачехе плохо придётся, только вы его бабушка у него остались, вся надежда на вас…

Слова Якова Петровича утонули в рыдании Пелагеи.

Пришлось несчастную мать приводить в чувства, и как только она выпила горькие капли, да начала ровнее дышать не хуже князя крикнула, не сдерживая ярость:

— Глашка, много на себя берёшь, не твоего ума дело было, не тебе и выгонять со двора деву. Всё, пошла с глаз моих. Сослать её в деревню, на чёрные работы в поле. И не напоминайте о ней. Как теперь искать-то эту юродивую. Как?

— Я снаряжу всех гридней, да и в управе подниму, воевода отыщет, он её видел. Найдём, допросим. На худой конец пристроим девицу достойно, раз она нищенка, так хоть позаботимся, благое дело – лучшее, что можно сделать для упокоения души.

Боярыня ещё раз всхлипнула и протянула руку к зятю, помедлила, но раз такой момент, то сказать решилась, после может и не случиться такого откровенного разговора.

— Сынок, никого у меня нет, кроме тебя и Богдана, дитятки моего родненького. Права Софья, тебе всё равно придётся жениться, умоляю, не отстраняй меня от внука. Позволь видеться и быть в его судьбе родной, а не чужой бабкой. Он же твой первенец и наследник, — хотела было повторить слова про то, как плохо внуку будет при мачехе, что только что услышала от Якова, но не решилась. Невозможно обвинять в плохом обращении новую жену князя.

— Двери моего дворца всегда открыты для тебя, распоряжусь, чтобы устроили покои недалеко от покоев сына, приезжай, когда вздумается. Особенно пока траур. Что будет после, сейчас сказать не могу, но одно знаю точно, что сына не оставлю. И теперь у него охраны и нянек вдвое больше.

Хотела было сказать Пелагея, что и у десяти нянек дитя без глаза и дворец не самое безопасное место, раз Сонюшка погибла, но промолчала, чтобы не сердить зятя. И то хорошо, что теперь они сошлись и стали даже ближе, чем до трагедии.

— Поезжай, найди эту деву и после позволь мне с ней поговорить.

— Непременно! Береги себя, ты нужна Богдану, матушка, в этом Софья права.

Пелагея Андреевна по-матерински трижды поцеловала зятя, перекрестила и отпустила с богом. А сама вернулась в свою светёлку ждать вестей.

Глава 8

Утром я проснулась от боли во всём теле, ох как непривычно спать на жёсткой лавке, подстелив только половик, да под голову положив свой же узел с вещами.

Но боль оживила, я ещё не привыкла к этому тельцу, оно кажется таким хилым, что от любой мелочи, от любого усилия пошатывает, покалывает, и хочется лечь, и лежать, но на мягком. А раз мягкого нет, то пришлось подниматься и приниматься за помощь старушке, хотелось бы пожалеть себя горемычную, но не буду злить судьбинушку свою. Ведь всё, что сейчас со мной происходит, намного лучше, чем лежать в гробу, да в сырой земле, из могилы я о сыночке не смогу позаботиться.

Я живая, а значит, шанс есть.

И снова дала о себе знать мысль о сыне и муже, как они там, что делают? Помолилась о них, слезу смахнула.

— Проснулась, красна девица? Старик уж ушёл на работы. Вишь, как оно там во дворце-то, до восхода надо встать да работать, не вздыхая. А ты туды рвёшься… Сейчас нашу баньку согреем, потом перекусим по малости, а после, как солнышко прогреет, пойдём на рынок, у меня там есть работёнка не пыльна, подсобишь. Да и купим тебе всё для вышивания, — очень уж распевно говорит старуха, некоторые слова протяжно, а у других окончания «проглатыват». Вот оно, моё упущение, — говорю я как боярская дочь, как жена князя, слишком речи у меня правильные, от этого и тот верховой мной заинтересовался.

— Молчать надо больше, — ворчу себе под нос и убегаю по первому делу. Пока Матрёна суетилась у печи, мне пришлось трижды сходить на реку, и с шатких мостков набрать воды. Вспоминаю чистейший родник во дворце, и какая в нём была вкусная вода. Даже в этом моя прошлая жизнь неустанно напомнила о себе.

Баней оказалась наша же избушка, воды согрели, да в углу за занавеской, где широкие щели, устроили баньку. Хозяйка ссудила мне душистый обмылок, чтобы волосы намылить. Уж на такие косы мыла много уйдёт, вода чуть тёплая, да не так много пришлось быстрее мыться, чтобы не остыть. Пока я волосы свои смывала, Матрёна и полы в доме протёрла от уличной грязи. Всё в дело, всё в работу, и вода, и время, и каждый угол.

В полумраке за занавеской я и тела своего не разглядела толком, одно понятно, что тощая, как палка. Кости, обтянутые кожей. Но ноги прямые, грудь красивая, если бы отъесться, да не работать в батрачках, то, может быть, и это тельце станет притягательным и мужскому взору приятным.

Мои мысли каждый раз возвращаются на одну и ту же «дорожку», как муравьи, куда бы их ни закинуло, всё равно бегут к муравейнику. Вот и я сейчас снова задумалась о том, чтобы понравиться своему мужу.

Но это немыслимое дело, и безнадёжные мысли. Я стала последней нищенкой, безродной, бездомной и даже фамилии своей не знаю. На такой князь не то, что сам не женится. Ему никто из боярского круга не позволит даже взглянуть в мою сторону.

Я – тень для него…

Тоскливые мысли прервала Матрёна:

— С такой косой-то мы бы тебя быстро замуж пристроили. На тебе гребень-то, вычёсывай. Да свежее своё надевай. На рынке-то позориться нельзя, как ты в таком тряпье ходила-то?

Пожимаю плечами, потому как даже понятия не имею, почему подлые хозяйки так ненавидели Василису.

Надела на себя чистое из узелка и сразу стало приятно и телу, и душе.

Из моего родного дома одежды – как оберег.

Вычесала волосы, ох и мороки с ними. Княжну-то служанки расчёсывают, а тут всё сама.

— По косе-то меня могут узнать, да в дом проклятый вернуть, — опомнилась, когда уже начала собирать одну косу. Быстрее разделила волосы и заплела три косы, первые две тонких на плечи, а третью вокруг головы пустила. Поверх платок и шаль.

— Я готова, что ещё делать?

— Пойдём на рынок, дома уж еды нет. Там что-то перехватим, но хороша ты, девка. Жаль, замуж тебя нельзя отдать, а то бы при муже твоём и мы поднялись.

— Не хочу об этом говорить, не рвите душу, не напоминайте, — простонала, пока старушка завязала дверь на верёвку, да прикрыла хлипкую калитку на крючок. — Поспешим, за мной бежи и не отставай…

Всё так же околицами, через узкие щели между высоких частоколов, да через мостки, обходя широкие улицы, мы прошли в центр города. Почему такие тропы тайные, я постеснялась спросить Матрёну, видать, есть на то причины. А после сама припомнила, что по широким трактам ушлые извозчики гоняют, да народу много, а на обочине грязь и слякоть. По тропинкам всё чище и навозу почти нет. Да и собаки злые не бегают.

Матрёна перешагнула очередную лужу и, как только мы оказались на довольно широкой центральной улице, взяла меня под руку и повела на рыночную площадь, где я всегда мечтала побывать. Но таким, как я, там делать нечего, не барское дело по купеческим лавкам ходить кому надо, тот свои товары в богатые дома сам привозит.

— Я на рынке в одной лавке за копейку разные поручения выполняю, сейчас-то благодаря княжеским медякам нужды нет, но не приду – место потеряю. Потому пойдём, сделаем работку и потом по своим делам прошвырнёмся, как крали базарные. Ести-то поди хочешь…

Она не спрашивает, просто тащит меня за руку между торговыми рядами, а в них чего только нет. И снедь, и одежды, и лакомства, и утварь разная, и ткани.

Кроме заботы о выживании, ещё и торговые ряды позволяют забыться, от любопытства я вдруг ощутила себя маленькой девочкой на ярмарке. Но рассматривать товары, Матрёна мне не позволила, утянула в лавку бакалейщика.

Вошли под звон колокольчика и встали у порога, видать, так положено, без дозволения не пройти.

— А, Матрёна пожаловала, да не одна! — громкий голос заставил меня вздрогнуть, почудилось, что толстый мужик нас в чём-то обвиняет. Стоит руки в боки посреди своей торговой вотчины и зыркает на меня с интересом. Расфуфыренный не хуже девицы на выданье, в красной рубахе, от которой его круглые щёки кажутся ещё краснее, как и нос, рыжая борода, и длинные усы, лихо закрученные кверху.

— Внучка моя из деревни приехала, у ней муж во дворце служит, не про тебя ягодка, Степан Степанович, так сегодня работа-то есть?

— Да как же нет, есть. Вот мешок с крупой надо по мешочкам поделить, копейку заплачу, да раз таку красоту привела, мой глаз порадовала, отдам один мешочек сверху. Как управитесь, скажете.

Матрёна дёрнула меня за руку вглубь лавки, где стоит тот самый мешок с работой. Проходя мимо Степана Степановича, опускаю голову, чтобы не видеть, как он зыркает на меня и крутя ус, сально улыбается.

Прям готовый жених, и не смущает его ни моя бедная одежда, ни компания Матрёны. Теперь я одна из них, простая и беззащитная.

Работа оказалась несложной: взять кружку, дважды зачерпнуть в мешке пшено и пересыпать в маленький мешок из плотной ткани, завязать бечёвкой и положить в большую корзину. Матрёна работает бойко, а я не очень, но на это никто не обращает внимания, я уже «заработала» только тем, что заявилась в лавку, порадовать глаз купеческий.

Управились быстро, получили копейку и обещанный мешок с крупой. А я сверх того ещё и слово «ласковое»:

— Приводи, Матрёна, красавицу, завтра вам поболее работы найду на пару копеек.

Хитро прищурив глаз, старушка покачала головой и прицыкнула языком, явно торгуясь, но не про третью копейку сказала.

— Моя Василиса — рукодельница, она на тяжёлых работах непривычная – вышивальщица знатная. Это сегодня мы зашли, а завтра она уж своим делом займётся, там не копейки, а гривенные пойдут. Но я-то приду, и на две копейки поработаю.

Купец погрустнел, но в работе не отказал, опять так уж улыбнулся да петушка на полочке и протянул, заманивает, чтобы приходила на работу, от какой, все они одинаковые, а дома поди жена ждёт.

Петушка сцапала Матрёна, мне подмигнула и за собой на улицу вытянула, мол нечего мужское смущать, а то ишь, как раскраснелся рожей, это она мне уж после, хихикая, прошептала, старуха, а туда же.

Не скажи я про мужа, то она бы меня уже сегодня замуж отдала бы. И что они все так со мной, найти бы зеркальце, хоть понять, как выгляжу. И чего этот купец так расщедрился, видать есть на что посмотреть, даже затрапезный вид не отпугивает от меня мужские взгляды. Но теперь иду и по сторонам сморю мало, чтобы не привлекать ненужное внимание прохожих. Но в душе утвердилось соображение, что сёстры-близнецы оттого и ненавидят Василису, что она миловидная, а они-то две дебелых дурынды, да с тощими хвостиками вместо кос, им-то есть на что обижаться.

Зависть — худшее зло…

Стоило подумать так, как в памяти вспыхнуло то, что давно бы надо было припомнить…

Поважнее сестёр есть мысли, кои надо бы хорошенько обдумать, например, как так получилось, что я внезапно померла? Только сейчас эта ужасная мысль меня ошпарила, а всё потому, что мы прошли мимо похоронной лавки, и моё сердечко тотчас сжалось от ужаса.

Я же за князя вышла замуж, да не просто так, посильнее нашего роды есть в княжестве, и многие хотели за него отдать своих дочерей. Да только у нас брачная метка появилась, а всё потому, что у меня силы спящие обнаружились для меня неподвластные, но сыну я всё своё наследие отдала, и об этом никто, кроме мужа не знает, сие тайна великая. Став княжной, врагов себе нажила столько, что и не перечесть. И некоторые мне не стесняясь, угрожали. Посчитали, что я ведьминским приворотом метку зажгла, и доказать обратное для упёртых людей – дело бесполезное и на провал обречённое. Они всё равно все считали меня нечистой на руку, а попросту ведьмой.

А теперь, выходит, что угрозы исполнили. Вспомнить бы, как и кто такое зло сотворил, или догадаться, будь я ведьмой, ничего со мной они сделать не смогли бы. Вот оно и доказательство. Только некому его теперь предъявить.

— Опять ты застыла, пойдём в трактире брюшко порадуем. А после тебе для рукоделия всё купим. Пойдём…

Она утянула меня туда, откуда так вкусно пахнет свежим хлебом, и правда брюшко истосковалось по вкусной еде. На полкопейки набрали себе блинов, взвара и пристроились на выходе, к счастью, теперь на нас никто внимания не обращает, за всеми столами оживлённо разговаривают. И вдруг начинаю слышать одно слово, часто повторяющееся: «Юродивая!»

Матрёна тоже расслышала и так на меня посмотрела, что стало совершенно неуютно.

— Я не юродивая, просто в свите князя заприметила мужа. Он меня бросил…

— Ну да, ну да… На юродивую ты и непохожа. Те всегда дурочки. А ты только временами. Жуй быстрее, надо бы тебя работой снарядить. И свечей купить, вышивать во тьме не сподручно, испортишь работу, а нам такое не надобно.

Мы уже вышли на улицу, осмотрелись и неспешно побрели в сторону суконных рядов. После сытного обеда напала ленца, солнышко разморило. И я бы завтра снова попросилась с Матрёной на рынок, здесь сытнее, теплее и веселее. А в лачуге за вышивкой сидеть — дело

нудное, и там меня точно мысли тревожные одолеют. Буду вспоминать, как вышивала, будучи княгиней, да слёзы лить.

Хотела было попросить, здесь мне на три недели княжеского траура работу подыскать, а уж потом и во дворец.

Но внезапно услышала знакомые голоса. Сёстры Евдокия и Марина со своей матушкой, не стесняясь прохожих, громко припираются, ищут себе новое платье или отрез…

Вот почему мне лучше сидеть в лачуге, от греха подальше. Теперь я подхватила под руку старушку и втянула её в первую же суконную лавку, чтобы скрыться от злыдней, и не получить от них за всё, и за дыру в подоле, и за кражу ножниц с нитками.

Людные места для меня опасны, вот что надо уяснить: сесть тихо мышкой и не высовываться до поры до времени.

Глава 9

— Да куда ж ты, окаянная, меня. Чуть о порог не запнулась, чёрта увидела? — Матрёна рассердилась на мою поспешность, но руку выдернула только в лавке. И легонько меня толкнула в бок, чтобы я порядки-то не нарушала, она сейчас главная.

— Не одного, а троих. Но дело прошлое…

— Так признайся, ты какую-то подлость совершила? Тебя за преступленье, часом, не ищут? — она сгорбилась, подступила ко мне и начала ворчать, да так, что оторопь взяла. Она же меня может прямо сейчас здесь и бросить, откреститься, как от зла и уйти. И куда мне тогда? Сразу во дворец или по лавкам работу искать?

Иду на попятную, пытаюсь теперь дело вывернуть и обелиться в глазах подозрительной старухи. Пытаюсь говорить, чуть проще, получается с трудом, но я стараюсь:

— Не серчай, старая, я чутка служила в одномдоме, по-родственному, но там как глава дома помер, мой дальний-дальний сродственник, так меня и невзлюбили. Не платили, не кормили, да украла, но только ножницы. И вот пошла в город мужа искать, а то он-то думает, что у меня всё хорошо, а оно всё плохо, хуже некуда.

Прошептала дрогнувшим голоском, чтобы вызвать в старухе хоть толику жалости, сама небось в молодости тоже оторвой была, а теперь смотрите, прям законница. Смотрит как княжеский воевода, да также сурово выговаривает:

— Ой, не верю я твоим наговорам, мутная ты как вода в болоте, недоговариваешь. Ежели на нас какую-то гадость навлечёшь, вот с тех мостков-то наших в реку и брошу, да бугром притоплю.

— Я вскорости уйду наниматься во дворец, и все свои проблемы заберу, не стоит вам волноваться, но за приют благодарствую.

Вот так, внезапно между нами возникла первая неприятная заминка, и Матрёну понять можно, и тайн своих раскрывать я не намерена. И мои недоговоры, да молчание уже сейчас её раздражают.

— Сударыни, милости просим, — дождавшись, когда мы нашипимся друг на друга, торговец решил, что пора бы нам делом заняться. — Товары всё покажу, что вас интересует?

— Не в эту лавку я собиралась зайти, да вот внучка упрямая коза втолкнула, ну давай, показывай, что у тебя есть для вышивания, — в лавке бакалейщика старуха вела себя куда как спокойнее, а теперь то ли наша ссора, то ли недоверие к незнакомому торговцу придало ей гонору. Без заискивания, как боярская служанка, ответила и встала в горделивую позу, позволяя себя удивить.

Вздыхаю и пытаюсь добавить миролюбивости в возможную сделку, а то деньги-то платить Матрёне, а я только выбрать, да самое лучшее.

— Пяльцы среднего размера, иглы острые, штуки три хотя бы, нитки цветные. И ткань белую, нежную, чтобы для платочков подошла. Вот примерно такой отрез, будьте любезны показать.

— Ну-с, сударыни, с этого и надо было начинать. У меня всё самое лучшее, не стоит вам серчать. Сама судьба вас привела в мою лавку. Начнём, пожалуй, с игл, вот здесь у меня пять видов, короткие, толстые, носки штопать, средние, для шитья, и вот тонкие для вышивки, острые, и ушко большое, очень удобные.

— Возьму вот эту, эту, и эту, — показываю пальчиком какие приглянулись, а Матрёна тоже нос свой сунула, но не упустила шанса проворчать.

— Возьмёт она, а платить, кто будет? Ценой-то поинтересуйся, откуда ты свалилась на мою голову, горюшко.

— Цена как на всём рынке. По копейке!

— Дорого!

— Две копейки за три! — продавец вошёл в раж.

— Четыре за две копейки, но это при том, что ещё остальное понравится. Показывай дальше.

Гонору нашей Матрёне не занимать, уж торговаться она оказалась мастер. И пяльцы я выбрала, а она сторговала, и в ткани продавец уступил. А на нитках упёрся.

— Цветные нитки, помилуйте, красители заморские, цвета яркие…

— А не красят? Потом-то постиравши, не будет пятен на ткани? Нам самое лучшее.

— Помилуйте. Шёлк натуральный, уже стираные, сушенные на ветру и крепкие, лучшие нитки, не лён какой-то.

Пришлось мне вступиться за продавца:

— Я эти нити знаю, они действительно очень ценные и не тускнеют. Если можно, то вот эти четыре мотка, для начала, — мой спокойный голос не подействовал, и Матрёна всё равно выторговала полкопейки. Из принципа она, видимо, так редко покупает столь значимые вещи, что решила торговаться до победного, чтобы уж не отступать и не сдаваться.

Её боевой дух надавил, и продавец сдался, и ткани отрезал чуть больше, и моток белых льняных ниток добавил, и иглы со всей осторожностью воткнул в маленький обрезок ткани. Но пришлось недовольной старушке раскошелиться, отдать целых три медяка, из тех, что вчера в меня бросил один из охранников князя.

Хоть какие-то деньги из моих поминальных пошли во благо.

Пришлось шаль снять и завязать в неё все покупки, а остаться в тонком платке, теперь мои косы видно, только бы не встретить охотниц за ними, сестёр-близнецов, а то они мигом меня остригут налысо.

Под ворчание старушки мы неспешно покинули лавку, уставший от нас торговец, перекрестился и закрыл дверь, но ещё зайти пригласил, скорее по привычке, чем от настоящего желания ещё раз иметь с нами дело.

На рынке народу прибавилось, ходят по рядам, глазеют, торгуются, ничуть не хуже нашей Матрёны. Купили свечи, продуктов и неспешно пошли домой, почему-то молча, я не хочу разговаривать, и Матрёна погрузилась в свои мысли. Надеюсь, не решает мою судьбу, раз уж потратилась на рукоделие, так может быть, не выгонит.

А с другой стороны, всё равно мне у них долго не остаться. Поднимаю голову и смотрю туда, где высятся купола главного собора.

Не могу смотреть. На рынке немного забылась, а теперь снова боль в душе накатывает.

— От незадача, короткая дорога перегорожена. Приспичило им воз в проулок втиснуть. Ну чего уж, пошли в обход, дольше, да по грязи. От свиньи, ни себе ни людям. Нет бы перед домом телегу поставить…

Она продолжает грозно ворчать под нос и ведёт меня прямой дорогой той самой, которая прямёхонько во дворец бы и довела, вот прямо сейчас…

И что меня останавливает? Какие такие страхи, с чего я решила, что не смогу пройти и как-то попасть за крепостную стену, а потом и на подворье княжеское, а там…

— Дорогу князю, дорогу князю! Поберегись! — послышался издали громкий крик, и все поспешили освободить путь небольшой дружине.

А я снова погружаюсь во тьму. Ровно так же, как и вчера. Как бы под ноги ему не кинуться с дури.

— Держи меня, Матрёна, плохо, очень плохо! — вцепляюсь в руку старухи, и она обхватила меня за пояс, руку сунула под завязку передника и держит, не понимая, что же такое приключилось.

Дружина мчит мимо нас. Вижу своего мужа и не могу отвести от него взгляд, сейчас или никогда!

Открываю рот, чтобы завопить, пусть он только посмотрит, и скажу ему, что это я и мне только сказать ему самое сокровенное, только нашу тайну.

Открываю рот, кажется, что кричу, но ни единого звука не могу произнести. Меня словно запечатали. Матрёне хоть что сказать могу, а Михаилу даже проскулить не получается.

«Это магия! Меня магией со свету сжили ироды окаянные!» — стрелой просвистела мысль в сознании. Вот она причина всех моих бед. Кто-то магией меня от мужа забрал, но я смогла удержаться среди живых, однако воздействие продолжается. Кто-то пакостный на могиле ночью сделал какой-то обряд и ещё сделает, и чем это для меня закончится, даже богу не известно.

Так и стою оцепеневшая, голоса лишённая, только из глаз слёзы льются ручьём. Через несколько дней муж меня и вовсе забудет. Морок на него наведут.

— Эй! Очухалась, да что с тобой…

— Проклятье на мне, такое, что в могилу может свести, отпустило, пойдём домой, пока могу идти, — прохрипела, а как отряд скрылся из вида, голос ко мне вернулся и оцепенение прошло.

И как мне теперь во дворец идти на работы? Бесполезно, я теперь не смогу правду сказать, она запечатана во мне проклятьем, скрыты все следы преступления, что б им пусто было. И если так меня убрали, то и сыночка не пощадят. Тут план у людей всё или ничего, не остановятся.

Внезапно жаром по мне протекла не боль, не трепет страдания и любви, а ярость, недаром я дочь боярина, в бою ярова, ярость во мне спала до времени, но проснулась силой новою.

Плечи выпрямились, шаг стал увереннее, но пока и только, но зародилось семя возмездия, не спустить бы с рук грешникам содеянное.

— Не спущу! — прошептала так, что Матрёна вдруг перекрестилась и на меня покосилась с испугом. Чую, что пока могу с ней говорить, придётся свою тайну сказать, чтобы хоть она могла засвидетельствовать. Или лучше написать записку, да подать князю при случае.

— Я тебе должна признаться, чья я жена на самом деле…

— И чья же?

Открываю рот, чтобы назвать имя князя, и ком в горле, как репей колючий вызвал приступ кашля, да такого, что чуть пополам не согнуло.

Я опоздала. Правда во мне запечатана подлым обрядом. Враги ни секунды не теряют. Специально так сделали, чтобы я видела мужа, помнила и о сыне знала, но только лишь смотрела на них, а и приблизиться не смогла бы.

— Пошли домой, видать, вчера ты застудилась, вот тебя хвороба и догнала. Ох, беда с тобой.

Страдать и болеть мне Матрёна не позволила, надавала заданий так, что присесть некогда. И дровишек принести, и воды, скоро старик с работ вернётся, а у нас холодно, голодно.

— Воды скорей принеси-то! Да поживее, а то скоро завечереет…

Пришлось ведро хватать, да к реке идти по скользкой грязи, в который раз повторяя про себя, что хоть бы камней или досок бросить, всё легче было бы спускаться.

По глинистой, скользкой тропе вроде прошла, а на шатких мостках оступилась, и пришлось присесть на корточки, да рукой вцепиться в доски, чтобы воду зачерпнуть и не свалиться в холодную реку. Осторожно наклонилась и вдруг увидела в речной воде отражение, из-под воды, освещённая ярким солнцем, с опаской выглядывает из-за мостков какая-то девчушка. И не я это вовсе, а русалка, но это всего лишь отражение, никакой магии. Я ей махнула рукой, и она тотчас повторила, улыбнулась и смотрит огромными глазищами, моргает от удивления, словно призрака увидела. Не она призрака увидела, а я.

Миленькая, слегка курносая, огромные глаза, и тёмные брови дугой, а волосы светлые, породистая оказалась Василиса. Странное дело, почему такая суровая жизнь у неё сложилась. Но теперь понятна, причина ненависти к ней сестёр-близнецов – зависть первейшее зло, с неё, как обычно, всё и начинается.

Мои размышления подошли к самому вероятному ответу – Василиса бастард какого-то знатного папаши, который пожелал остаться неизвестным и о дочери не позаботился. Выкинул

и забыл, а может, и не знал о её существовании, а теперь и вовсе концов её родословной не найти, нет желания возвращаться в нехороший дом, спрашивать. Да и не нужно, ничего мне эти знания не дадут.

— Василиса, ну что ты там застряла! Неси воду, а то печь прогорит, а чаю не дождёмся, — крик с порога заставил меня отбросить размышления и перестать любоваться собой, привыкать к себе новой. Зачерпнула воды и снова себя увидела, теперь уже в ведре.

Признаться, до этого момента, я специально не смотрела на воду, мне было страшно до оцепенения, увидеть новое, чужое лицо. Но встреча с мужем и молчание сподвигли на решимость, и какое счастье, что нет во мне разочарования. С таким личиком и новую жизнь прожить можно.

На душе стало спокойнее, я миленькая, не писаная красавица, но вполне приятная, с такой внешностью получить место во дворце будет несложно, там любят хорошеньких.

Иду в лачугу и припоминаю тот ужас, что испытала от своей немоты, при виде князя.

— Ох, не смогу я во дворце работать. Онемею и остолбенею, как только увижу его. Видать, кто-то знатно постарался меня проклясть. Что б им пусто было…

— Ну что ты там застряла и бубнишь себе под нос, ладо я старая, ворчу, а ты-то молодая. Умывайся, чтобы смыть с себя дурь, может, очухаешься. Горе луковое свалилось на наши плечи, сил нет терпеть…

Не знаю почему, но меня вдруг начало раздражать ворчание Матрёны, понимаю, что я у неё сейчас в приживалках, и хлеб её ем и лавку жёсткую занимаю. Но скоро моё терпение на тычки и оскорбления закончится, и тогда мы точно разругаемся, как кошка с собакой.

Молча наливаю воду в чугунок с приготовленной крупой, во второй чугунок для взвара, и скорее за своё рукоделие. Лучше молчать и работать, чем обращать внимание на всё то, что меня окружает. Смахнула крошки со стола, разложила покупки и решила, что ничего замысловатого вышивать не буду. Ткань приятная, мягкая, и на ней хорошо бы смотрелась простая вышивка светлыми нитками, а у меня цвета насыщенные, яркие, весенние цветочки надо делать по краю, и не подшивать, а замахрить края, потом мережку или красивый стежок белыми нитками, чтобы закрепить. Получится нежно и красиво. В любом случае дорого эти платки продать невозможно…

Что-то всё думаю, думаю, и не заметила, как погрузилась в работу. Словно уснула, ничего вокруг не существует, что-то Матрёна ворчит, чем-то у печки громыхает.

А я уже платки осторожно нарезала ножничками и вставила в пяльцы, нитку вдела в иглу, и…

И потерялась.

Всё окончательно растворилось, я вдруг стала собой, княгиней Софьей, и вокруг меня красивые палаты, и светло от большого окна, и пяльцы мои, и нитки золотые, и так мне хорошо, что я вдруг запела.

Пою и вышиваю совершенно не то, что собиралась. А узор необычный, такие узоры обережными называют, помню, как меня старая нянюшка давным-давно учила, что у каждого стежка есть своё значение, как буквы, а когда стежки собираются в затейливый узор, умный человек, да знающий, может это послание прочитать.

Я не узор вышиваю, я послание шью какое-то, сути сама не понимаю, но работаю так быстро, что игла греется.

А вокруг меня какие-то сияющие нити вьются, словно золотые волосинки на ветру. Я возьми, да подцепи одну золотую волосинку, да и вдела в иглу с обычной нитью, да и продолжила вышивать. Шила, покуда пальцы не заломило от усталости, но вокруг всё ещё светло, и тепло, не хочется, но придётся работу заканчивать. Воткнула иглу в ткань, опустила руки, и свет мгновенно погас. В тёмной лачуге горит одна свеча, и на лавке сидят старик со старухой и смотрят на меня, как на чудо-юдо.

— Ой, стемнело, я ужин-то пропустила?

— Кто ты такая? Ведьма? Обычные девы так не работают. В темноте, да так быстро, что игла сверкает. Покажи, может, просто никами напутала, а мы тут диву даёмся? — старики как дети с лавки подскочили да ко мне, не дождавшись, когда я им подам пяльцы:

— Да, вроде получилось, но не то, что я хотела. Ой…

Сама опускаю взгляд и понимаю, что почти закончила узор, заполняющий почти всё полотно, какой обычно неделю шью, а тут за считаные часы, неудивительно, что пальцы заболели.

— Вот именно, ой! Василиса, что-то с тобой не то, не иначе мы у себя ведьму приютили. Я не против вашей сестры. Но уволь, боюсь… Завтра же, чтобы ноги твоей у нас не было. Мы не злыдни какие, на ночь глядя на улицу даже ведьму не выгоним, ночуй. Но мы уйдём к соседке, а утром вернёмся, а ты с рассветом уходи, забирай своё рукоделье и забудь о нас, но милость помни, не греши супротив стариков. Мы тебе зла не желаем, — вдруг проворчал дед Пантелей и отошёл на безопасное расстояние, и Матрёна за ним.

Сижу и не верю своим ушам, чем же я их так удивила? Сияющим золотом узором…

Постойте, золотом? Провожу пальчиком по узору, чтобы почувствовать плотность шва и от него едва заметные сияющие искорки, рассыпаются.

Это так красиво и завораживает, что я, кажется, снова погружусь в беспамятство, и главное, понятия не имею, что такое я создала. Ещё раз провела уже всей ладонью и прижала сильнее, сияющий блеск остался на руке:

— Вы это видите? Блеск?

Поднимаю голову и понимаю, что они уже успели сбежать. Жаль и страшно, завтра утром мне придётся уйти, и забрать с собой эту вышивку, простым людям такую вещь оставлять нельзя.

Встала, потянулась. Ноги занемели, рук уже не чувствую.

Я правда очень устала…

Так устала, что хочется просто закрыть глаза и ни о чём не думать. Но в груди всё дрожит от чего-то гораздо более сильного: где-то глубоко внутри сжимается холодный комок страха, а поверх него, словно солнечные лучи, разливается сладкая, почти запретная эйфория, такая же золотая, как эти нитки, какими я только что вышивала. И эти ощущения, такие противоречивые и яркие, сейчас важнее всего.

Плеснула себе остывшего взвара в плошку, взяла один постный блин, кашу не хочется, да и сил нет ложкой работать. Быстрее поужинала, да и спать.

Сегодня даже не заметила, насколько жёсткая деревянная постель, насколько воняет старый полушубок, каким я укрываюсь, а всё потому, что я вдруг решила, под голову положить совой вышитый узор. Закрыла глаза и провалилась в тепло, в приятное чувство защищённости, так и проспала до первых петухов. Проснулась и вспомнила что я теперь опять бездомная.

— Пора во дворец, и что бы там ни происходило, я ни за что не отступлю. Теперь точно нет.

Сунула вышитый платок за пазуху, собрала своё новое рукоделие, в шаль завязала, вздохнула и вышла на улицу. На дворе по-весеннему свежо, сырость с реки сквозь шаль пробирает, от чего совсем тоскливо, с этой минуты крыши над головой у меня нет.

Никто из соседской лачуги со мной прощаться не вышел. Но чувствую, что наблюдают за каждым моим движением и со страхом. Главное, чтобы они меня не выдали и не оговорили напраслиной, если вдруг случится какая-то пакость, мор какой начнётся, скотина начнёт дохнуть, я в списке ведьм первой и окажусь.

— Не приведи Бог, — перекрестилась и вошла за ограду. Не успела опомниться и понять, куда лучше идти, как ноги сами «выбрали» короткую дорожку к дворцу, через проулки, да на

тракт, а там всего ничего и я уже чувствую в себе силы. Сейчас всем покажу, кто тут главный, неужели меня и не возьмут…

Я же дворец знаю, и все порядки, и уставы…

Вот только я знаю его богатую сторону. А изнанка меня тут же и встретила, да не стала расшаркиваться, быстро показала, какое у меня теперь место — последнее, среди таких же подёнщиков, ищущих хоть какую-то работу во дворце. Я для них помеха, стоило подойти к главным воротам, как тут же и получила и насмешки, и угрозы, и даже толчки.

А ответить не могу…

Чем ближе я к своему мужу, тем сильнее на меня действует проклятье. Стою в ужасе, хлопаю глазами, чуть не плачу, потому как вышел младший ключник и начал отбирать тех, кто сегодня нужен на работы. Почти все ему знакомые, низко кланяются, слова льстивые говорят, а он довольный улыбается, и угодным выдаёт деревянный ярлык, чтобы по нему можно было пройти через врата крепости. Кажется, что всех набрал, ещё раз окинул скучающим взглядом толпу страждущих, и вдруг заметил меня, поманил пальцем и пристально рассмотрел.

— На работы?

Голос скован, сказать ничего не могу, но киваю.

— А что молча? Немая…

Слёзы брызнули из глаз, и я снова киваю. Шанс попасть во дворец был так близко, и я его упускаю…

— Немых здесь не нанимают, уходи, симпатичная, но сама понимаешь, господам нужно выказывать почтение, и благодарность, выслушивать поручения, и всё такое. Для грязной работы ты тощая. Так что нет, не могу взять. Не трать время, ищи работу на рынке… Эй, всех, кого выбрал, пошли со мной, напомню, что траур, вести себя тихо, на глаза знатным не попадаться…

Ворота закрылись, а вместе с ними и моя последняя надежда накрылась. Но я услышала, что этот тиун вредный, и редко выходит. Бывает, что требуются простые прачки или скотницы, или на кухню работницы, тогда забирают всех без разбора. Но как переждать этот день и ночь, и, если не возьмут снова, что делать? Ещё раз попытать счастье у матери? Вдыхаю и иду в сторону рынка. Стоило отойти от кремля на приличное расстояние, так и голос появился, и дурнота спала.

— Может, и не стоит рваться во дворец, раз я как растаявшая снежная баба, — пожимаю плечами и понимаю, что всё равно вернусь, не могу иначе.

Глава 10

Платон Антипович сделал ежедневный короткий доклад по срочным делам, и замолчал, словно есть, что ещё поведать, да не решается. Князю пришлось самому допрос учинить, ведь самое главное так и не сказано.

— Юродивую нашли?

— Помилуй, княже, нет! Как сквозь землю провалилась. Обыскались, — развёл руками и слишком уж выразительный жест получился, да невпопад, словно шут на ярмарке, уж так старается…

— Видать, не так хотелось найти, помнится, как кто-то из твоей кареты вытащил какую-то пустяковую вещицу, так ты за то дело наглеца из-под земли достал. А здесь деву обыскались, не иголку в стоге, не синицу в небе, да она и не прячется.

— Иногда то, что на виду, труднее увидеть. Скорее всего, душа княгини уж на тот свет перешла, и от девы отстала. Зачем болезную пугать допросами. Она и так богом обижена, ведь юродивая.

— Мы могли бы о ней позаботиться, — князь сказал резче, чем собирался, разговор в нём злость множит, особенно упорное нежелание воеводы исполнять приказы должным образом. Да ладно бы это, но Уваров настойчиво гнёт свою линию, и уж наставнический тон в голосе проявился, от которого раздражение только усиливается.

— Не о ней, ты всё думаешь, что в неё вселился дух Софьи? Пагубные мысли, с таким жить тяжко, а то и опасно. Живым – живое, мёртвым – мёртвое. Тем более, метка брачная так быстро объявилась. Видать, есть уже истинная дева, судьбой предназначенная. Может быть, лучше её поискать…

Сорвало терпение князя:

— Траур у меня! Траур по жене, метка не твоего ума дело! Сам справлюсь. Ищите юродивую и не пугайте несчастную. Пусть привезут во дворец и обходятся с ней ласково, это приказ. А если не исполните, пеняй на себя, а когда мне новую жену искать без твоего совета разберусь!

— Хорошо, отыщем, из-под земли достанем. Но есть ещё одно дело, не вели казнить, вели миловать, — Платон начал по обычаю гонцов, пришедших с недобрыми вестями, видать, решился сказать совсем уж пакостное. — Дело некрасивое выворачивается, не хотел говорить, но обязан. Потому хочу напомнить, что в подземелье был один преступник, пойманный с поличным, яд пронёс во дворец, с кем хотел встретиться так и не признался до сего дня.

— К чему ты клонишь? Он назвал имя?

Воевода опустил голову, словно сам повинен в том, что сейчас собирается сказать, испытал терпение князя и решился:

— Не просто так я прошу тебя, князь, отступиться от Софьи и забыть её. Сегодня утром этот человек признался, что зелье принести во дворец ему наказала сама княгиня. Я не хотел говорить, ведь она уже на том свете и имя её порочить грешно. Но не просто так та юродивая на улице крикнула: «Прости меня!». На ней был какой-то грех, и она готовила покушение, иначе зачем ей это зелье, ради забавы такие яды не покупают. Не узнаем теперь против кого она ополчилась, но…

Князь вскипел от ярости, но от кулачной расправы сдержался, будь он простым мужиком, то сейчас ты за длинный язык воеводу проучил бы.

Но он князь:

— Ты, часом, не белены объелся, Платон Авдеевич! Как у тебя вообще язык повернулся такую мерзость сказать на Софью? Я тебе доверял, ты был моей правой рукой, а теперь оговариваешь мою покойную жену и не исполняешь приказы так, как должно? Я не провидец,

но обман чую за версту. Стража, возьмите нашего воеводу и посадите в его покоях до моего распоряжения…

— Воля твоя, я делал всё как лучше, этот человек помер, допросить его не сможешь, мне не доверяешь. У тебя есть один выбор, оставить всё как есть, просто забыть Софью и не ворошить сие тёмное дело. Даже про юродивую забыть, что ушло, того не вернуть…

— Уйди с глаз, тоже мне умник, всё у него из уст мудрость сыплется, когда надо и когда не надо, а теперь мою мудрость послушай: жди в своих покоях, решение по тебе я скоро приму, не думал, что так дело обернётся, и жену потеряю, и друга верного…

Воевода поклонился и вышел, быстрее чем стража решилась обступить бывшего верного соратника князя и сопроводить в покои под арест.

Не такой и верный оказался.

Арест воеводы – плохой знак. Боялись люди, что охватит князя чёрная тьма, и начнёт он во всех видеть врагов и виновников гибели молодой княгини. Двери только закрылись, а по дворцу уже полетел слух о жестокости князя, а ведь никакой жестокости ещё и не случилось, все зубы да рёбра у Платона целы.

— Как у него язык повернулся, ведь ясно как божий день, что кто-то решил Софью опорочить, подлецы, не просто убили, но и грязь начали лить на её могилу. Не боятся ничего, ничего святого у людей.

Проворчал, а про себя подумал, что до этого момента дело было слишком загадочное, а теперь прояснилось, и зацепки появились, надо бы ещё раз допросить личную служанку Софьи, пока до неё не добрались недруги. Но скорее всего, она уже всё сказала, что ничего дурного не видела и не слышала, сидит теперь как в воду опущенная, слёзы льёт беспрестанно, что не заметила, как госпожу погубили.

— Ох, душа моя, где же ты, подсказала бы, что за напасть тебя сгубила…

Михаил Васильевич поднялся с кресла с высокой спинкой, с резьбой причудливой, да подушками мягкими, вспомнилось, как всего-то на прошлой неделе жена вошла в кабинет и со смехом, со словами ласковыми села на его колени, дразня устами сахарными, пальчиками нежными перебирая его кудри, возбуждая ретивое, попросила о какой-то мелочи.

— О чём она меня просила? Ведь мелочь какая-то, совершенный пустяк, сердцу приятный. То ли цветок заморский или украшение, а может быть наряд или кокошник с самоцветами?

Встал князь посреди залы, стоит ошалело и вдруг осознаёт, что в памяти не осталось облика жены, только запах цветочный, только ощущение той радости, что она дарила ему по ночам, даже голос в памяти перестал звучать.

— Это колдовство! На нас кто-то навёл порчу. Я не могу вспомнить голоса своей лады, не могу вспомнить её улыбку. Оморочка…

Сорвался с места, вышел из кабинета и, оттолкнув удивлённого охранника, пробежал в детскую, встал над кроваткой, где сладко спит сынок, и снова попытался вспомнить личико жены.

Ничего…

Заметил на подушке маленький платочек, вышитый рукой милой Софьи, осторожно взял его, чтобы не потревожить сон младенца, поднёс к лицу, желая вдохнуть хотя бы остатки запаха цветочных масел душистых, на мгновение словно просветление наступило, вот оно любимое личико жены, сияющее нежностью, сверкнуло и снова пропало.

Няньки по углам сидят, в стены вжались, дрожат от страха, никогда таким князя не видели, особенно в детской.

— Если с сыном что-то случится, всем вам несдобровать. Повторно прикажу проверку провести, так что, если кто-то из вас перекинулся на службу врагу, лучше сразу с глаз вон.

— Помилуйте, государь наш, — прошептала старшая нянька. — Мы все поклялись жизнью, оберегать наследника рода. Я лично слежу за всеми.

— Я распорядился, чтобы приготовили покои для боярыни Аксаковой, теперь бабушка будет заботиться о внуке. А вы начнёте ей подчиняться, — очень тихо, но всё равно сурово отдал приказ.

— Слушаюсь! Служу верой и правдой.

Старшая нянька поклонилась и все остальные следом.

Как жаль, что княжеская сила лишь на поле брани проявляется, а в делах хитроумных она не помощница, нет никакой возможности отличить злодея от соратника. И кому он сейчас доверил своего первенца, надёжным ли женщинам или змея среди них притаилась?

Ещё раз взглянул на сына, целовать не решился, чтобы не потревожить крепкий сон младенца. Пристально посмотрел на испуганных женщин и вышел, с этой минуты абсолютно уверенный в том, что на его род навели морок.

— Как же теперь эту магическую гадость снять? Бедная моя жена. Погибла от рук предателей…

Внезапно снова зачесалась рука, в том месте, где в день похорон появилась брачная метка, мысли из-за горя не могут собраться в ровный порядок. А пора бы уже начать действовать.

— Позови ко мне Григория Ермолаевича, только тихо, — приказал лакею и вернулся в свои покои, размышлять о произошедших событиях и открытиях. Особенно про яд, с чего бы Софье приказывать кому-то принести во дворец опасную жидкость. Это явный наговор, и воевода замешан, раз посмел повторить за преступником, и ведь даже не поморщился, подлец, словно уверовал в признание.

В двери кратко постучали, и вошёл один из самых верных гридней, Григорий Горячев, парень молодой, но в делах тайных проверенный и не единожды.

— Здравия желаю, князь! — вошёл, низко поклонился и теперь ждёт распоряжений.

— Дела у нас завернулись некрасивые, более доверия нет никому.

— Я уезжал с поручением, только вернувшись узнал о прискорбных событиях. До сих пор сердце сжимается от боли. Говорят, юродивую деву ищут.

— Её уже не найдут, даже если и нашли, то она сгинула. Мне воевода сейчас очень уж пакостное сказал, наговор на жену, может он и ни при чём, а лишь передал слова преступника, но сказал таким тоном, словно отказывает Софье в оправдании.

Михаил сжал кулак и от злости, и от бессилья, словно мало было потерять любимую, душу свою вырвать, так ещё и доказывать придётся, что она невинная, и сама жертва. Только как доказать, если враги на шаг впереди…

— Мутное дело, тут я согласен, прикажите, и я всё сделаю, юродивую найти?

— Если получится, то тихо её отыскать. Оплошал я, пока от горя разум помутился и приказал Платону деву отыскать, думаю, мы опоздали. Есть другая беда. Я вдруг перестал видеть образ жены, забываю, словно её кто-то стирает из памяти. Не думал, что это меня испугает, не хочу её забыть, но с каждой минутой всё меньше воспоминаний. Это оморочка или проклятье. Вот полюбуйся, сразу после похорон появилась новая брачная метка. Не к добру это.

Князь быстро задрал широкий рукав шёлковой рубахи и протянул руку с новой меткой.

— А как же траур? Я думал, что такие вещи после сорока дней, самое раннее, — ошеломлённый увиденным Григорий погладил короткую русую бороду. — Действительно загадка, но у кого вторая, кто теперь ваша половинка?

— Это и прошу тебя узнать, чует моё сердце, не просто так новый знак объявился, это всё происки и козни врагов. Ужасно будет, если именно род новой невесты сжил Софью со свету. Вот тогда начнётся такое, чего и в летописях не напишут. Посему приказываю искать тихо, только через самых доверенных людей. Говорить только с главами родов, где есть девы на выданье, и на этот раз усердие проявить соразмерное проблеме, то есть абсолютное. Ежели будут задавать вопросы, скажи, что метка объявилась у брата Ратмира, чтобы меньше разговоров было. Ведь на чужие рты платка не накинуть, всё равно слухи поползут. Проверять всех девиц на выданье, знатных, конечно.

— И вдов…

— Нет, вряд ли вдова, метка была бы слабее. Здесь привязка идёт мощная, дева невинная, юная, чую её, но не настолько, чтобы сейчас самому прийти и проверить её руку. Зова пока нет. Но я не хочу в тот момент войти в дом врагов, не понимая, что делаю, зов обязательно будет и сильный, уже чую. Потому должен узнать все тайны и новое имя до того, как…

*

Во дворце ещё с утра начался тихий, неопытному глазу незаметный переполох. Челядь пронеслась по всем горницам, сметая ту пыль, какая бы только ещё завтра надумала упасть на слоты, стулья, полы. Где можно, и где не нужно поменяли ещё свежие скатерти, да постель-

ное, и рушники на ещё более свежие. На дворцовых кухнях мгновенно сменили распорядок и решились подать то, что князю более всего нравилось.

Но в тот момент, когда Михаил грозным рыком отправил под арест самого воеводу, своего верного товарища и помощника, весь дворец замер от ужаса. Даже кошки дворцовые сбежали из-под горячей руки, но им-то что, они создания вольные, гуляют, где хочется, а вот лакеям, да прислужникам не позавидуешь. Под горячую руку попасть княжескую, как нечего делать.

Уж не только дворец, но и город замер в ожидании гнева княжеского.

Последние нехорошие вести из дворца заставили старейшину боярина Морозова Павла Игнатовича, собрать тайную сходку, и обсудить беду, какую ждали и дождались.

За большим столом, накрытым льняной скатертью, да с закусками аппетитными собрались мужи знатные, но к яствам не притронулись, не то настроение, чтобы разносолы пробовать. Гостеприимный хозяин отставил небольшую чарку, чтобы не опрокинуть её ненароком, да начал без подготовки свои мысли тревожные выдавать:

— Ох, друзья мои, вести из дворца были печальные, а стали трагические, да и пугающие. Князь наш в лютую кручину впал, да уже своего воеводу под стражу посадил. Виданное ли дело, за правду, и за совет добрый: оставить, не тревожить память своей жены, тем более что она, что-то такое перед смертью задумала…

Недослушав, один из гостей бесцеремонно стукнул кулаком по столу, намекая другу, что лишнее болтать себе дороже, даже среди близких надо бы думать над словами:

— Да Бог с Вами, Павел Игнатович, и вы туда же? Преступник ляпнул, да как-то очень неожиданно и помер. Сплетня вдруг расползлась, как плесень, а вы её поддерживаете, это нехорошо, да и опасно. Особенно о покойниках такие речи вести грешно. Надо же понимать, что князь наш любил свою жену. И как такую красавицу было не любить. И богатыря она ему родила. Поговаривают, что у младенца есть магический дар, да не простой. Всё от матери собрал, да в княжеский род перенёс. За наговоры и воеводе сделано порицание, видать, не так сказал князю донесение. Уж простите, великодушно, но напомню, как вы сами в кручину опустились после смерти первой жены. А от князя требуете чуть не на третий день Софью забыть, — боярин Измайлов Симеон Романович призвал к разумности не сколько из-за чувств к князю, сколько из опаски за старого друга. С такими речами, и из собственного дома можно под арест загреметь.

Морозов ладонью громко и с негодованием шлёпнул себя по коленке, сокрушаясь, что товарищи его неверно поняли:

— Не про то вы думаете, сначала княжеская злость, потом народу достанется, а после и смуту получим. Пусть так, и я не прав, что упомянул наговор на княгиню, но с чего-то она померла? И никто толком-то не понял, что такое приключилось. Лекарь говорит, что уснула, да не проснулась. Но уж простите мою въедливость, она такого крепенького мальчонку родила, да через несколько дней уже порхала, прям как крестьянка, а моя жена после родов не оправилась. Сердце, или чтобы там у неё приключилось, не объясняет смерти-то. Княгиня крепкая была, от такой женщины только сынов и рожать, да род продолжать. Сдаётся мне, что это всё неспроста затеяно, кто-то решился наши устои расшатать да разрушить. Навели порчу на Софью, а через неё и на князя. И что с этим делать? Пока он ещё окончательно в дурман не впал, может быть как-то повлиять на дело, да успокоить. Или у кого-то из вас есть, какая ведьма, что сможет пронюхать всё дело да понять, что на самом деле произошло.

Пояснил свою позицию заговорщицким тоном Павел Игнатович, уже не скрывая своих опасений и помыслов, а идея с ведьмой или колдуном вдруг сама возникла, да не успев повариться в мыслях, тут же и выплеснулась, к неудовольствию товарищей.

— Не уймёшься ты. Как, по-твоему, мы ведьму во дворец приведём? Да уж сразу надо с узелком-то и с сухарями, и прямой дорогой в подвалы, нас же за наведение смуты и закроют…

— теперь уже взъелся на друга Скрябин Борис Иванович, в далёком прошлом тоже служил воеводой и в Тайном приказе несколько лет дела вёл непростые. Но сейчас от дел отошёл, и втайне жалеет, что отозвался на приглашение, в таких заседаниях только молча посидеть, да и того хватит, чтобы во враги князя попасть. Только хотел было извиниться и уехать, как Измайлов тоже хлопнул себя по коленке, припомнив кое-что:

— Есть у меня знакомая ворожея, жена с ней всё дружбу водит. Я бы ей не доверял, однако она почти всегда дело говорит, бабка довольно вредная, но нам во дворец-то и не надо.

— А куда?

— Павел Игнатьевич, да на могилку княгини, думаю, что если какая-то магическая работа была проведена, то её только сейчас самое время и проверять. Это враги сначала следы скрывали, а теперь им скрывать уж нечего, они добились своего. Даже если не скажет имён, то хотя бы поймёт. Думаю, что княжеский ведун тоже проверял, но он ослаб. Могли и на него непрогляд навести, не заметил ничего, — Измайлов понизил голос и заговорил теперь со знанием дела, будто сам промышляет магическими делами.

Скрябин недовольно поморщился, но сказать, что это бабские домыслы не решился, потому как есть другая преграда, в этом деле:

— Допустим, вы тайны узнаете, и что? К князю пойдёте? И снова возвращаемся к скорбному узелку с сухарями и исподнем для княжеских подвалов, но уже дело будет куда как серьёзнее, ведь дозволения не было…

— Да погоди, ты гневаться и пугать, Борис Иванович, вечно страху напустишь. Отправлю эту ворожею за хорошую мзду, и какую-то из верных служанок, пусть они как бы мимоходом пройдут, там к нашим могилам проход аккурат через могилы княжеские, это же не преступление? А ежели ворожея что-то заметит, то мне сообщит, как бы ненароком, и я как бы ненароком, ежели что-то существенное будет, то и доложу князю. Ничего крамольного в этом нет, — Симеон Измайлов сам поверил в важность сего мероприятия.

И друзья с ним согласились.

— Тогда сейчас разойдёмся, ежели удастся, то сегодня же отправлю на погост женщин, будет что-то любопытное, то сообщу.

— А у меня есть ещё одни подозрения, но совершенно не магического характера. Думаю, что у князя тоже появились соображения по этому поводу, вот он и серчает, магия в этом случае — лишь следствие, но все мы знаем, кому Софья дорогу перешла, роду Волковых. А князь Волков от своих целей не отступается. Есть у него дочь Лютица, вот она и должна была стать княгиней. От них весь забор и начал городиться, так что тут и бабке на погосте делать нечего. Имеющий уши – всё слышит и видит. Не хотел это дело на слух пускать. Но оно скоро само себя объявит. Вот помяните мои слова, когда тайное станет явным, — сам того не желая, Скрябин произнёс вслух свои подозрения, да они не только его, уже все знают о безудержном желании Волковых вернуть свой трон, и у них уже все силы для этого собраны, осталось последнее препятствие – князь.

— Да, знаем эти дела, Волков не из таких, кто пакости строит, не за спиной козни чинил, а открыто хотел за счёт замужества дочери стать ближе к власти, но Михаил выбрал Софью. Не наговаривайте, Волкова подлецом назвать язык не повернётся, и как верно подмечено, поживём — увидим. А пока расходимся, прям сейчас поеду домой и организую поездку на погост и, надеюсь, что вы про нашу встречу пока никому, если ничего ворожея не обнаружит, то и я вас беспокоить не буду.

Измайлов первым же поднялся, окинул серьёзным взглядом малое собрание по большим проблемам, попрощался и вышел. Самому вдруг стало любопытно, что же обнаружит старая ведунья Елица на могиле княжны.

Глава 11

— За такую деньгу, я и ночью бы сходила, чего мёртвых-то пугаться, живые опаснее. А на погост ночью никто и не пойдёт. Ведь так, тётка Елица? — молоденькая служанка Нюта сама вызвалась сопроводить пожившую на свете ведунью, вроде и не страшную, да и не старуху дряхлую, но от одного взгляда Елицы на сердце как-то тоскливо делается. Вот и уговаривает себя девица, чтобы не бояться того, на что не раздумывая согласилась.

Ох, как ей нужны обещанные деньги на летние обновки, да украшения, чтобы не засидеться в девках и к осени себе мужа-то и подыскать подходящего. Прыгая с одной мысли, да на другую, уже теперь от страха, но ещё пытается себя уговорить и не сбежать в последний момент. Но если Елица что-то эдакое скажет, то напарницы-то и лишится…

— Права, только не болтай. Рот откроешь и в тебя какой-то мертвяк и залезет, очень они любят этим делом промышлять. Но ежели со мной сходишь, то замуж к осени точно выйдешь!

— Ой! — простонала Нюта и вдруг зажала рот рукой. Но поняв, что это неудобно, спустила косынку с головы и накинув на рот и нос, завязала на затылке, стоит готовая на всё, только бы сбылось пророчество ведуньи. Елица посмеялась глупости и одновременно находчивости случайной компаньонки, покачала головой и отворила кладбищенскую калитку. Но перед тем, как войти решила девицу пристрожить:

— Тебя со мной отправили, как свидетельницу, боярин после будет допрос чинить, ты ему всё расскажешь, постарайся ничего не забыть. От твоих слов многое зависит.

— Хо-хошо, — прошипела через платок вконец напуганная Нюта, но не отступила.

— Я сейчас прочитаю заговор от злых сил, да задобрю хозяйку погоста. А ты стой, молчи, как я закончу обряд, просто следуй за мной, если что вот за мой длинный пояс возьмись, так не напужаешься.

Нюта тут же вцепилась в непростой, плетёный длинный пояс ведьмы. Обряд оказался коротким, на ближайшей женской могиле оставили подношения и поспешили, куда приказано.

На погосте тишина, только в часовне слышны голоса батюшки или смотрителя, но они остались в стороне. За оградой, кажется, ещё светло, а здесь от деревьев тьма сгущается, где-то сова пронзительно крикнула. А у Нюты сердечко в пятках притаилось, готовое в любую минуту сорваться и бежать, не разбирая дороги.

— Стой!

Елица так резко остановилась, что девушка не успела сообразить и врезалась в спину ведуньи, но даже не ойкнула, выглянула из-за плеча и обомлела от страха.

Совершенно точно они сейчас видят перед собой могилу молодой княгини с большой красивой оградкой, высоким резным крестом, обвязанным траурными лентами. И самое ужасное, кто-то в оградке стоит, подняв руки вверх и что-то очень тихо бубня себе под нос, монотонным голосом. Это явно мужчина, и одежды на нём тёмные, только вот капюшон скрывает лицо.

— Разворачивайся, уходим, быстро.

Елица с силой подтолкнула оцепеневшую Нюту, развернула за плечи и заставила идти быстрее, подталкивая в спину. Да куда там, если бы не страх быть замеченной, девушка бы и бегом помчалась. Быстро пробежали до калитки, вышли и ведьма, схватив девицу за руку, прошептала на ухо.

— Ты если жить хочешь, то никому не скажешь ни единого слова. Будут спрашивать, говори, что я ничего не нашла. Могилка как могилка, поправили ленты, посмотрели кругом и ушли ни с чем.

Нюта стянула платок со рта и всё же любопытство своё проявила, но скорее из страха перед ужасным незнакомцем:

— Он что делает-то? И кто это? Разве у нас колдун объявился…

— Дура ты дремучая, это не колдун, бери выше. Я их обрядов не знаю, но, скорее всего, он хочет душу княгини запечатать или забрать, чтобы она ему служила.

— А такое возможно? ИК! — глаза испуганной служанки округлились от ужаса, и она громко икнула.

— Ещё как, у нас ведьм послабее есть помощнички, так мелочь всякая, по делам небольшим. А таким, как этот маг служат духи сильные. Наша княгиня была из одарённых, такие души очень ценятся. Но не могу сказать точно, чем он промышлял, что делал. Да и диву даюсь, что он вообще существует. Сила от него определённо была, он и нас почуял. Но…

— Что, но…

— М-м-м-м, бежим скорее, он идёт. Ох, попали мы с тобой, заклятие по нашему следу пускает, но не смертельное. Всё, больше мы ни слова о нём сказать не сможем, ни единого… Но тем и лучше, лучше молчать.

Дважды просить Нюту не надо, подняла подол и помчалась в сторону тракта с кладбищенского взгорка. Елица следом ковыляет, едва поспевая за молодухой, но сила колдуна уже чувствуется, догнала и дурманом крутить начинает. Надо бы остановиться да обережный ритуал ещё один совершить, но, скорее всего, ничего не поможет и завтра утром они и не вспомнят, что были на погосте и что видели страшного человека.

Женщины дошли до перекрёстка, и Елица уже не опасаясь, что их кто-то догонит, начала делать несложный обряд, чтобы запутать те силы, что пущены им по следу, что-то прошептала, монетку достала, на неё плюнула и через плечо назад кинула.

— Отведёт от нас проклятье на какое-то время…

Добежали до небольшой повозки, что ждала их у ямского трактира, и выдохнули только когда оказались у богатого дома боярина Измайлова.

Елица не останавливаясь, чтобы не потерять драгоценные секунды, вбежала в дом и только и успела сказать:

— Невинная княгиня. Кто-то могущественный появился. Тёмными силами владеет, он и княгиню изжил, ежели найдёте, кому служит, то и будет вам виновник. Всё сейчас на нас заклятье молчания подействует и больше ничего не скажу, не нашего ума сие дело, не по нашим силам, — хотела ещё что-то сказать, но зашлась в удушливом кашле, словно её горло сжимает безжалостная рука.

— Ох ты ж, только этого нам и не хватало, мать Честная, и как такое князю доложить. Убили его жену, и нас не пощадят, — простонал Симеон Романович, глядя на страдания ведуньи. Через несколько минут, когда женщина окончательно пришла в себя, вздохнул и решил, что сие дело не для его ума, самое большее, что он может сделать во имя светлой памяти княгини, это сообщить, что все наговоры на неё пустые, а кому она перешла дорогу, это пусть сам князь разбирает…

Глава 12

У меня есть единственная ценность, какую я могу предложить на рынке – вышитый узор на платочке. Главное, не продешевить и не встретить Матрёну или сестёр Марину и Евдокию с их горластой матушкой.

Почаще оглядываюсь по сторонам, прислушиваюсь и обхожу стороной уже знакомые ряды, здесь где-то та самая лавка бакалейщика, куда Матрёна собиралась сегодня прийти и заработать две копейки. Потому и свернула налево, прошлась, и с другой стороны площади ряды оказались даже богаче.

Долго бродила, приглядывалась к лицам продавцов и купцов, ведь у меня только одна вышивка готова, но она вполне подойдёт, как вставка в одежду, если вшить в сарафан или в платье такую полочку – то вещь сразу станет намного красивее.

А ещё от этого узора исходит такое притягательное тепло, что мне само́й не хочется выпускать из рук волшебную вышивку.

Но увы, магией сыт не будешь.

Решилась на продажу, когда в третий раз прошла мимо лавки с восхитительными пирогами и до блеска начищенным самоваром. Они так призывно пахнут, так красиво завлекают меня.

Теперь я знаю, что самая лучшая приправа к любому блюду – голод. Он меня и подогнал, заставил поспешить, пока на рынке народа не так много. Присмотрела одну лавку, в ней явно торгует сам купец, а значит, он легче ссудит деньги за работу, и не придётся ждать начальника для ободрения. Лавка добротная, дверь крепкая, вхожу под приятный звон колокольчика и сразу получаю добродушное:

— Добро пожаловать, сударыня, вы никак из деревни? Может, желаете ткани, кружева, у нас всё есть и дорогое, и простое, но не значит некрасивое. Или, дайте угадаю, замуж выходите? Всё для свадебного наряда подобрать? — полноватый мужчина средних лет, давно уяснивший, что не стоит встречать покупателей по одёжке, потому как даже у крестьянина копейка за душой имеется, и важнее не гонор свой показать, а ту самую копейку-то от крестьянина забрать.

Однако он просчитался, у меня денег вообще нет. Решаюсь не тянуть разговор, чтобы не отнимать время, сразу достала своё сокровище, развернула и положила на широком столе, где лежат высокие стопки с разными тканями.

— Ой, как это неожиданно, сама шила или мамка, поди? — он мгновенно учуял ценность моего рукоделия, и если проведёт по вышивке рукой, то расстаться уже не сможет.

И он провёл, прикоснулся к узору, и ещё раз, не понимая, что происходит. Посмотрел на меня и снова погладил.

— Это моя работа…

— Но как такое возможно, она словно живая, у меня сил прибавилась.

Не успела как следует подумать и ответила первое, что пришло в голову:

— Говорят, я – юродивая, молитвы мои Бог слышит. Усердно молюсь, когда вышиваю. Но деньги мне нужны, очень нужны.

— У меня сейчас здесь всего четыре рубля. Это маловато, за такую вещицу. Я дам тебе ткань и ещё ниток, у меня есть заначка специальных шёлковых, тебе подойдут, но следующую работу ты принесёшь и продашь мне. И молись усерднее во время работы.

Купец мгновенно крутанулся у прилавка, достал расписной туесок и из него вытряхнул на стол всё, что имелось. Огромные деньги, целых четыре рубля! Стоило мне взять серебряные монеты, как он тут же сцапал вышивку и унёс в подсобку. Он не будет её продавать… Такие вещи не продаются. Это оберег дома, и он это уже понял, почувствовал и проникся.

Через несколько минут у меня в узелке оказалось ещё несколько цветных моточков ниток и небольшой отрез белой, дорогой ткани.

Даже без дворца, я со своим таинственным рукоделием зажила бы припеваючи. Но в животе уже урчит от голода не переставая. Как только дело с купцом завершилось, я поспешила в лавку с пирогами. Набрала себе четыре разных, да две большие кружки с напитками: одну со взваром, вторую со сбитнем. Как голодная собака зажевала первый пирог, да запивая сбитнем, пристроившись тут же у прилавка, под довольные взгляды хозяйки.

— Из деревни? Поди, давно не ела?

Киваю в ответ и приступаю ко второму пирогу, этот оказался с капустой. Ну какая же вкуснота, воистину, голодному даже самый обычный пирог кажется божественным на вкус.

— А где ночевать есть? Когда обратно? — не отстаёт тётка.

— Я сирота, меня на работы отправили, пробую в подёнщики во дворец.

Тётка со знанием дела закатила глаза, фыркнула и посмотрела на меня как на самую последнюю деревенскую дурочку. Кажется, я сейчас именно такая и есть, потому что вообще ничего не понимаю в устройстве жизни простых людей.

— Первый совет, не суйся. Там новых не берут, всегда одни и те же. Второй совет: ищи постоянную работу здесь в торговле, либо в мастерских, ежели ремеслу обучена. У нас работа круглый год, и если ты приведёшь себя в божеский вид, станешь похожа на горничную, тогда, может быть, тебя и наймут, и не на подёнщину, а на постоянку во дворец. У тебя одни сапоги чего стоят, ужас, да и только. А ночевать-то тебе есть где?

— В трактире заночую.

— Над моей лавкой сдаю комнаты или лежанки в общей комнате. Можешь к вечеру вернуться, или сейчас, но, если есть деньга, мой тебе совет, девонька, поменяй сапоги и платье, оно вроде и опрятное, но видно, что с чужого плеча. И с работой тебе помогу, очень уж твой голодный вид покупателей привлекает, ты так ешь, что у всех слюнка бежит. Вон смотри, пятый покупатель подходит.

Торговка довольная, что я привлекла к ней нескольких покупателей, пообещала оставить отдельную комнатушку, а пока отправила искать лавку с одеждой, и главное, с женской обувью.

Ох, обувь! Сколько у меня было разных ботиночек, туфелек, на любой вкус, сезон, настроение. И на каждый день, и на прогулки, и даже расшитые бисером, жемчугами и драгоценными каменьями, но такие только на очень важные церемонии…

Где она теперь, моя богатая, сытая жизнь

Иду, снова погрузилась в свои мысли о прошлом. И они же привели меня в какую-то лавку с обувью. Продавец тоже не из тех, что гонор свой норовят показать, расстелился предо мной, как коврик, и за ручку взял, и на лавку усадил, и ботинки-коты предложил, грубоватые, но крепкие, таким сносу не будет лет десять. Померила и показалось, вполне сносно выглядят и даже не пытаются натереть. Мои-то прошлые белые ножки на любой узелок или шов сразу кровоточили, потому мастера делали свою работу идеально. А ножки Василисы привычные к любой обуви, а то и к босому времяпровождению, им и деревянные колодки и лапти сойдут, лишь бы были.

С ботинками определилась, решила не мелочиться, сразу и башмачки решила прикупить.

— И летние, простенькие, недорогие, можно тряпочные, я потом сама на них вышью узоры.

Мужчина улыбнулся:

— Мастерица, значит, вот эти могу предложить. И подошва надёжная, и вид приятный. За всё рубль и пятьдесят копеек.

— Тридцать, — я тут же вспомнила науку Матрёны, и продавец уступил.

— Тридцать пять!

— По рукам! — отсчитала нужные деньги и без сожаления выкинула чужие сапоги, они уже прохудились до невозможности, так что я сделала два добрых дела, себя спасла от улики, а бывшую хозяйку – от позора.

Переобулась и пошла по рядам, искать платье по размеру, чтобы завтра заявиться во дворец во всеоружие, и заполучить место.

Вот только как быть с немотой. Об этом я даже думать не могу, потому как понятия не имею, как вернуть себе голос и снять неведомое проклятье. С каждой минутой всё больше убеждаюсь, что не попасть мне во дворец, смысла в этом нет никакого. К сыну меня и на пушечный выстрел не подпустят, а если подойду, то побьют. На мужа даже взгляд поднять не могу, отрезали меня от семьи по живому.

Знать бы кто это сделал, и тогда я вышью для этого человека такой узор…

Сердце вдруг прищемило с такой неистовой силой, что я чуть было не задохнулась от боли. Прижала кулак к груди и на полусогнутых добрела до завалинки у какой-то лавки и села, боясь провалиться в беспамятство. Всем телом прочувствовала, что неспроста это всё. И немота, и сердечная боль, особенно если думать про врага, сотворившего со мной беспощадное зло. Он или она тем себя и обнаружит, перестаралась гадость с защитой, не подумала, что у меня тоже магические силы…

— Так! А откуда у меня-то этот дар узоры волшебные шить? — наконец, я нащупала ту ниточку в запутанном клубке, за какую можно безболезненно тянуть, не теряя голос. Только ответа нет.

Не сразу, но давящую на сердце боль отпустило. На ватных ногах кое-как поднялась и пошла искать себе платье по разумной цене, даже самое простое я смогу украсить своими узорами. И кто знает, может быть, именно с ними у меня получится и не молчать во дворце, и хоть какую-то защиту себе сделать от давящей боли. Потому что не могу перестать думать о враге, потому и плохо себя чувствую. Понятное дело, что не будет эта пакость проклятая сидеть, сложа руки и продолжит дела творить окаянные.

Тут и к гадалке не ходи.

От тягостных размышлений меня отвлекла базарная суета. Платье нашлось быстро, не такое, как носят знатные барышни, у тех цена неподъёмная. А проще, как у горничных. Но чистое, новое, и село на меня прилично. Правда, грудь маленькая у Василисы, но и к лучшему, красивые перси в моём положении только к неприятностям.

Больше денег на растраты нет, остались на ночлег, ужин и, возможно, на завтра. Новой вышивки на продажу тоже пока нет, этой ночью придётся запереться в коморке и вышить что-то на новом платье, чтобы защитить себя от злых сил.

— Ага, вышью, и, наоборот, привлеку к себе лишнее внимание. Нет, лучше уж вышить снова на отдельном лоскутке, в случае чего и продать можно будет.

А потом меня осенила восхитительная идея. Что, если на платье тоже сделать вышивку, но не обычными нитками, а теми магическими. Их при дневном свете и не видно. Но действовать они совершенно точно будут.

Окрылённая новой идеей, вернулась в маленькую таверну над пирожковой лавкой, оплатила десять копеек за ночлег и заперлась в крошечной комнатке, пока светло начать, а там и сами нитки сиять начнут.

Если в первый раз я шила по случайности, то в этот раз мои намерения сознательные. Всё приготовила, но пока шить не начну, магия не начинается. Чтобы закружились вокруг меня магические нити, пришлось в иглу вдеть простую льняную ниточку. Вставила ткань платья в пяльцы, чтобы под воротом пустить магический узор, и начала шить. Сначала ряд красивым швом прошла, не сразу, но вдруг начала замечать, что вокруг снова витают тонкие волосинки, сияющие золотистым светом. Присмотрелась, а нити-то разные, и даже цвета у них отличаются. Есть и такие, что натянуты как струны, они «в своей работе», естественно сплетаются. Наверное, между людьми, или это события так связываются, или судьбы, пока не поняла сути, потому такие стараюсь даже не касаться. Поймала одну из свободных, вставила в иглу и начала вышивать какой-то узор замысловатый, не думая, оно всё само как-то. И снова с такой скоростью, что по завершении, пальцы мои заныли от усталости.

Но теперь на лифе моего простенького платья появился перевёрнутый треугольник, заполненный красивыми знаками, и понимаю, что это не простые узоры, а какие-то неведомые заклинания, какие я пока и понять не могу. Но они совершенно точно защитные.

Обессиленная завалилась спать. А с первыми петухами сама хозяйка и стукнула в дверь, напомнила, что ежели я собираюсь во дворец испытывать судьбу, то самое время отправляться.

Жаль, что с вечера не собралась. Пришлось всё быстро сложить в шаль, завязать узел, заплести косу и надеть новое платье с магической защитой.

Надела и мгновенно ощутила в себе новые силы жить.

— Ну что? Решилась? — хозяйка осмотрела меня и улыбнулась, довольная видом, словно сама выбирала наряд.

— Да, попытаю счастье ещё раз. Если не получится, то вернусь и буду здесь работу искать.

— Удачи тебе. Хорошенькая, и платье теперь приличное, и обувка достойная, в таком-то виде тебя быстро возьмут, а после уж как себя покажешь, там лентяек не любят, быстро выставят за ворота.

— Да, понимаю, но рискнуть обязана.

— Пока молодая, да без семьи, что ж не рисковать. И я тебе вот что скажу, там уж столько служивых и холостых женихов-то, ты себе мужа-то не забывай присматривать. Да какого попало не бери, не первого. Те, что сразу-то подойдут и начнут заигрывать – бабники или дураки, кому другие бабы да девки отказали. Первые-то недели строй из себя серьёзную недотрогу. А уж, как покрутишься, присмотрись, приличные-то парни тоже не сразу подходят, они тоже присматриваются. И с твоими-то глазами, думаю, что без хорошего мужа ты не останешься. Но не упусти самого лучшего…

Так горько на душе стало, потому что я и есть жена самого лучшего, самого первого из всех. Но между нами теперь такая пропасть, что не перепрыгнуть, вон даже во дворец не попасть с первого раза, да и со второго.

После сытного завтрака поспешила по уже знакомой дороге к воротам в крепость. Думаю, что сегодня я там и старика встречу, только бы он не сказал чего-то в мой адрес.

Дорога уж просохла, в новых котах по ней идти одно удовольствие, только успевай обходить конские кучи, да коровьи лепёхи перепрыгивать.

Вчера меня где-то в этих дворах очень уж страшная собака облаяла, а теперь пробежала мимо, как не заметила.

— Наверное, узор действует, — произношу вслух и понимаю, что говорить пока могу, но увы, стоило подойти к толпе жаждущих получить на этот день работу, так голос у меня и пропал.

Старик уже прошёл в ворота, его здесь все знают, можно было бы попросить его поручиться за меня, но боюсь, после того как я их напугала до полусмерти своей магией, его рекомендация будет краткой: «Гоните ведьму прочь!»

Снова набрали проверенных, опытных женщин, снова на меня внимательно посмотрели, спросили что-то, и я лишь кивнула.

— Она немая! Вчерась приходила замарашкой, а сегодня принарядилась, видать, за ночь с кем-то переспала, да деньгу заработала! — в мой адрес посыпалась самая последняя мерзость.

Качаю головой, в глазах слёзы, а даже промычать не могу ничего в свою защиту.

Ключник посмеялся вместе с мужиками, оценил меня ещё раз бесцеремонным взглядом и ушёл. А я осталась со сворой, но не псов, а голодных мужиков, не самого лучшего пошиба. Им тоже места не досталось, но теперь есть утешительный приз – немая игрушка, с какой можно сделать всё что угодно, и она ничего не сможет сказать в свою защиту и не сможет обвинить насильников.

— Ну что, немая, пошли, у нас больших денег нет, но приласкаем знатно, скулить будешь, и просить ещё.

Я не теряю времени, разворачиваюсь и бегу с защитного вала от ворот к мостику, а трое уродов за мной и бегают они гораздо быстрее. Открываю рот, и даже прохрипеть не могу, не могу позвать на помощь…

От леденящего, парализующего страха я растерялась, словно душа снова отделилась от тела. Три охальника схватили меня за руки и плечи — грубые, безжалостные пальцы впились в кожу, лишая всякой возможности сопротивляться. Сердце заколотилось где-то в горле, дыхание сбилось, а в ушах лишь оглушительный гул собственной крови. Я пыталась крикнуть, но голос так и не вернулся.

Сначала я пыталась вырваться, но от моего трепыхания становилось только хуже.

А потом вдруг осознала, что если они отведут меня подальше от дворца, то и голос вернётся. Только бы шли мы по главной дороге. Да мы по ней и пройдём, развилка намного дальше. Ухватилась за эту спасительную мысль и позволила негодяям вести себя, а они начали пакостно изгаляться и теперь уже кричат и на меня, и прохожим, что вот, мол, сговорчивая шлюха нашлась, всем троим перепадёт, за десять копеек на всё готова…

Страх и осторожность покинули придурков.

Никто из прохожих не решился с ними связываться, все опускают голову и спешат мимо, прекрасно понимая, что я иду с мужиками не по доброй воле.

Ещё несколько шагов и…

— ПОМОГИТЕ, ради Бога! Они меня похитили, я честная девица, помогите! — я завопила так, что теперь мужики онемели. Их хватка ослабла, но отпустить меня не отпустили, надеясь, что как только мимо проедет очередной лихой извозчик, какой и кнутом может жахнуть, то один удар в бок меня снова заставит заткнуться.

Но я продолжаю вопить.

Извозчик промчался, ему до моих бед дела нет.

— Заткнись, дура полоумная, притворялась немой? Какого чёрта? Тем более сейчас тебя проучим за обман! — громко, не стесняясь прохожих, прорычал самый противный урод и перед моим носом погрозил кулаком, точно он из тех, кому все бабы отказали…

Замолкаю от ужаса и в этот момент над нашими головами просвистел кнут, сбил с головы злодея картуз и тут же просвистел вновь, оставляя красный след на щеке второго мужика.

— Оставьте девушку, твари, немедля! — за моей спиной раздался такой рык, что и медведь бы позавидовал, поднимаю голову и вижу его…

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.